

Омский государственный университет
Омский филиал Объединенного института истории,
филологии и философии СО РАН
Сибирский филиал Российского института культурологии

А.В. ЖУК, С.С. ТИХОНОВ, Н.А. ТОМИЛОВ

ВВЕДЕНИЕ В ЭТНОАРХЕОЛОГИЮ

*Учебное пособие для студентов исторических факультетов
высших учебных заведений*

Омск
Издательский дом "Наука"
2003

ББК 63,4–63,5
Ж 124

Жук А.В., Тихонов С.С., Томилов Н.А. Введение в этноархеологию: Учебное пособие для студентов исторических факультетов высших учебных заведений / Отв. ред. В.И. Молодин. – Омск: Издательский дом "Наука", 2003. – 72 с.

ISBN 5-8268-0765-2

Ответственный редактор
академик РАН, профессор, доктор исторических наук В.И. Молодин

Рецензент
ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии
РАН, кандидат исторических наук Б.И. Вайнберг

Учебное пособие подготовлено на кафедре этнографии и музееведения Омского государственного университета.

Работа выполнена при финансовой поддержке Института "Открытое общество (Фонд Сороса. Россия)" по Программе поддержки кафедр Мегапроекта "Развитие образования в России", проект НВА 026.

© А.В. Жук, С.С. Тихонов, Н.А. Томилов, 2003

ВВЕДЕНИЕ

"Введение в этноархеологию" подготовлено как учебное пособие для исторических факультетов высших учебных заведений. Первоначально в 1997 г. А.В. Жуком, С.С. Тихоновым и Н.А. Томиловым была составлена учебная программа этого курса, а затем к концу 1998 г. подготовлен первый вариант самого учебного пособия. Работа выполнялась совместно с учеными Омского государственного университета и Омского филиала Объединенного института истории, филологии и философии Сибирского отделения Российской академии наук по проекту "Историческая наука, образование, ученый в социокультурном пространстве Северной и Центральной Евразии XX столетия" Федеральной целевой программы "Государственная поддержка интеграции высшего образования и фундаментальной науки на 1997–2000 годы". Данный вариант учебного пособия написан в рамках Программы поддержки кафедр мегапроекта "Развитие образования в России" Института "Открытое общество" (Фонд Сороса).

Создание учебного пособия "Введение в этноархеологию" в Омске представляется неслучайным. Оно явилось результатом многолетних поисков омских ученых в области интеграции археологических и этнографических исследований (фактически со второй половины 1970-х гг.) как методолого-теоретического, так и методического характера.

Отметим, что ученые-сибиреведы в отечественной науке не только не отставали в разработке данной проблематики от зарубежных ученых, но нередко во второй половине XX в. брались за организацию и проведение междисциплинарных исследований по проблемам этнической и социокультурной истории. Это выразилось во многих событиях – и в разработке выдающимся сибирским ученым А.П. Дульзоном в 1947 г. подробного перспективного плана всестороннего комплексного изучения происхождения народов Сибири и их языков (план был опубликован в 1952 г.), и в проведении грандиозных научных работ Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедицией ленинградских, московских и сибирских ученых, и в многолетнем совместном изучении археологами, этнографами и антропологами Сибири и Урала проблемы "Этнокультурная история народов Западной Сибири", и в активном применении археологами метода сравнительного анализа археологических и этнографических культур и отдельных социокультурных явлений, и т. д.

Важно и то, что вновь выдвинутая во второй половине 1970-х гг. идея интеграции археологических и этнографических работ попала в Омске на благодатную почву – появились энтузиасты этой идеи

В начале 1993 г. в открытом за год до этого Омском филиале Объединенного института истории, филологии и философии Сибирского отделения РАН (ОИИФФ СО РАН) несколько молодых ученых подняли вопрос о необходимости стыковки археологических и этнографических работ при изучении истории и культуры народов южной части Западной Сибири. 15 марта 1993 г. в филиале состоялось научное совещание археологов и этнографов на тему "Интеграция археологических и этнографических исследований в Западной Сибири". В его работе приняли участие также ученые из Сибирского филиала Российского института культурологии, омских государственных вузов – университета, педагогического и технологического институтов. На совещании было высказано единодушное мнение о необходимости организации в филиале научно-поисковой группы по проведению фундаментальных исследований многокомпонентных социокультурных этнографо-археологических комплексов. На другой день по Омскому филиалу ОИИФФ СО РАН был издан приказ о начале работ по теме "Этнографо-археологический комплекс" и о формировании группы для ее выполнения. Она и развернула совместные археолого-этнографические работы по изучению археологических памятников и этнографии тарских татар (одна из этнических групп сибирских татар) XVII–XX вв. С 1994 г. были начаты такого рода исследования по истории и культуре русских бассейна Нижней Тары.

Сегодня в Омске работает постоянно действующий научный семинар "Этнографо-археологические комплексы народов Западной Сибири". С целью проведения широкого обмена мнениями по данной проблеме с коллегами разных научных центров страны был организован ежегодный всероссийский (с 1998 г. – международный) научный семинар "Интеграция археологических и этнографических исследований" (с 1993 г. по 2003 г. он был проведен во Владивостоке, Москве, Нальчике, Новосибирске, Омске, Санкт-Петербурге, Уфе, Ханты-Мансийске). В 1996 г. омские археологи и этнографы выпустили в свет через Сибирскую издательскую фирму РАН "Наука" первый том серии "Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума" (всего выпущено 7 томов). Основная цель издания именно такой серии заключается, по нашему мнению, в том, чтобы стимулировать формирование и развитие этноархеологии в России.

В связи с развертыванием работ этноархеологического характера и возникла проблема подготовки кадров по данному направлению.

В целом проблема возможностей и сложностей создания этноархеологии как новой дисциплины в отечественной исторической науке была обсуждена на Третьей региональной научно-методической конференции "Проблемы историографии, источниковедения и исторического краеведения в вузовском курсе отечественной истории" в мае 1997 г. в Омске. Тогда и было высказано мнение, что подготовку кадров этноархеологов можно начать осуществлять на базе Омского государственного университета.

Сегодня здесь на историческом факультете существуют для студентов специализации по археологии и этнографии, осуществляемые кафедрой первобытной истории и кафедрой этнографии и музееведения. Но предстоит большая работа по созданию совершенно новых курсов лекций – базового курса по этноархеологии в составе вспомогательных исторических дисциплин, специальных курсов по историографии, источниковедению и методике этноархеологии, по конкретным этноархеологическим исследованиям в России и зарубежных странах, а также по разработке планов практических занятий, специальных семинаров. Необходимо будет подготовить несколько новых учебников и учебных пособий, в том числе программ по сбору полевых материалов. Кроме того, нужно расширить круг курсовых работ и защит дипломных работ по этноархеологии, начать учебу аспирантов по этому научному направлению. Залогом к успеху здесь может стать то обстоятельство, что в Омске сегодня на деле осуществляется интеграция академической и вузовской наук, а их в свою очередь с системой высшего образования.

Подготовленное учебное пособие "Введение в этноархеологию", надеемся, положит начало циклу учебных пособий в этом научном направлении. В данной публикации помещен и список рекомендуемой к курсу "Введение в этноархеологию" литературы, составленный авторами текстов настоящей разработки. Все это предпринято с целью апробации разделов учебного пособия в научных кругах и с надеждой получить замечания и предложения по этому пособию.

1. ЭТНОАРХЕОЛОГИЯ И ПОТРЕБНОСТЬ В ЭТНОАРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ЗНАНИЯХ

ЭТНОАРХЕОЛОГИЯ (Ethnoärcheologie, Ethnoarchaeology, Ethnoarchéologie; синонимы – археологическая этнография, археология действия, живая археология, точнее было бы сказать: этнографоархеология) – научное направление, складывающееся со второй половины

XX в. в результате интеграции археологических и этнографических исследований и призванное решать круг проблем по истории культуры и общества особым способом – на основе сопряжения археологического и этнографического видения этих проблем.

Исследования на стыке археологии и этнографии в XX – начале XXI вв., особенно в последние четыре десятилетия, ввели в научный оборот относительно большой объем фактических данных и привели к новым методолого-теоретическим обобщениям, выводам, к разработке источниковедческих и методических аспектов археолого-этнографических работ. Это позволило ряду ученых за рубежом, а затем и в России заявить о формировании нового направления исследования на стыке археологии и этнографии. Оно получило название этноархеологии и стало широко распространяться начиная с 1960-х гг.

Потребность в этноархеологических знаниях возникла тогда, когда использование прямых и косвенных аналогий для археологов в этнографии и поиски этнографами следов традиционных культур предков современных народов в археологических материалах зашли как бы в тупик. Специалисты двух наук стали осознавать ограниченность таких "прямых" обращений археологов к этнографии, а этнографов к археологии.

Эти обращения существенно не увеличивали объем информации в области этнической истории – формирования (этногенеза) и последующего развития этносов (этнодинамика) и шире – историко-культурных общностей вплоть до этнораспада (гибели или трансформации в другое этническое образование).

Но казалось, что и для изучения истории социальных образований (институтов), социальных структур и отношений, то, что часто именуется социогенезом, также поиски археолого-этнографических аналогий путем сравнительно-исторического метода, метода классификации и даже метода типологии как бы исчерпали себя.

То же самое виделось и в изучении процессов культурогенеза – становления и дальнейшего функционирования отдельных явлений культуры и традиционных систем культуры. И хотя результативность связи археологии и этнографии как смежных наук в изучении культур традиционных обществ была явно выше, чем в исследованиях социогенеза и социодинамики, все же и здесь выявлялась недостаточность простого сосуществования двух наук.

Таким образом, к середине XX в. возникло понимание того, что перевод по отдельности археологических и этнографических источников в область исторических знаний стал как бы недостаточным для нового информационного "взрыва" в исследовании истории населения

первобытной эпохи и последующих исторических эпох вплоть до новейшего времени (особенно в тех случаях, когда речь идет о так называемых бесписьменных народах). Тогда некоторые археологи стали заниматься поисками путей внедрения этнографических знаний и методов в археологию, в том числе изучением процессов изготовления орудий труда, предметов быта, жилищ и т. д. А отдельные этнографы решили овладеть смежной археологической наукой и самим проводить археологические раскопки и археолого-этнографические исследования. В советской науке благодаря во многом идеям и деятельности тогдашнего директора Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Академии наук СССР С.П. Толстова (но не только его) были предприняты широкомасштабные меры, приведшие к многолетним работам Тувинской и Хорезмской комплексных археолого-этнографических экспедиций.

В 1960-е – 1980-е гг ученые стали понимать, что просто консолидация усилий археологов и этнографов в изучении исторической действительности, включая прежде всего социокультурную действительность (действительность вообще – это действительное бытие сущего), хотя и приносит новые результаты, но все же недостаточно эффективна в этом деле. Тогда-то и появилась идея интеграции археологических и этнографических исследований, которая в отличие от консолидации ученых двух наук гребовала новых исследовательских программ. Эти программы должны были быть направлены в первую очередь на восстановление связанности отдельных дифференцированных явлений археологической культуры и социума (в данном случае "социум" понимается как синоним "общества"). Ставилась задача воссоздания археологического социокультурного организма (комплекса) в целостности. И здесь выяснилось, что без этнографического видения трудно реконструировать и конструировать такой комплекс. Именно этнография могла помочь восстановить недостающие звенья в таком комплексе путем видения сопряженности социокультурных явлений и их функций в единой системе. Действительно, социокультурные явления в системе – природная среда, способы производства и жизнедеятельности, поселения, жилища, пища, народные знания, религия, искусство, стереотипы поведения и т. д. – тесно взаимосвязаны (мы говорим, сопряжены) друг с другом.

Объем взаимодействия и взаимопроникновения археологии и этнографии в деле реконструкции и конструирования социокультурных комплексов археологического прошлого и их отдельных составных, в деле изучения этих комплексов и процессов их формирования и функционирования оказался очень большим. Поэтому встал вопрос о

качественно новом сближении этих наук на уровне интеграции и появления нового этноархеологического научного направления

Представляется, что актуальность этноархеологических исследований связана с получением новых знаний, с переосмыслением (насколько это возможно) под углом предмета и проблем этноархеологии результатов прошлых исследований (видимо, прежде всего в археологии и палеоэтнографии) с использованием этноархеологических знаний в других науках (культурологии, социологии, социальной философии и др.), а также отчасти в современной практике решения социокультурных проблем

2. ЦЕЛЬ, ЗАДАЧИ И СОДЕРЖАНИЕ КУРСА "ВВЕДЕНИЕ В ЭТНОАРХЕОЛОГИЮ"

Цель данного дисциплинарного курса "Введение в этноархеологию" – внедрение в учебный процесс высшей школы (в основном в систему исторического образования) процесса освоения студентами этноархеологических знаний. Этот курс может быть и одним из звеньев в деле подготовки кадров этноархеологов и расширении сферы подготовки археологов и этнографов.

Основные задачи курса сводятся преимущественно к следующим позициям:

- 1) охарактеризовать видение учеными, в том числе авторами данного учебного пособия, понятия этноархеологии как научного направления, объекта, предмета, проблем, источников этноархеологии и ее связей с другими науками о культуре и обществе,
- 2) раскрыть основные вехи истории консолидации и интеграции археологии и этнографии, дать историографический обзор формирования и развития отечественного этноархеологического направления;
- 3) изложить основные методы этноархеологических исследований в зарубежной и отечественной науке, дать характеристику их результативности,
- 4) показать возможные перспективы этноархеологии.

Это издание учебного пособия "Введение в этноархеологию" фактически первое в вузовской системе образования России.

Оно рассчитано, главным образом, на студентов исторических факультетов университетов, педагогических институтов и педагогических университетов. К нему следует отнести не как к полному изложению формирующегося этноархеологического научного направления, а только как к первому опыту элементарного введения в этноар-

хеологию. Из изложения задач курса видно, что за пределами учебного пособия остаются многие конкретные материалы этноархеологических исследований зарубежных и отечественных ученых, в нем не полностью будут изложены результаты изучения фактических данных, общих закономерностей и региональных явлений в разных частях света (Австралии, Азии, Америке, Африке, Европе) по данным этноархеологии, а также не предполагается давать подробные характеристики методов этноархеологических исследований. Более конкретные и детальные знания по этноархеологии студенты могут получить при соответствующей специализации по археологии и этнографии в тех вузах, где проводится обучение по этноархеологии. Пока же отдельной специализации по этноархеологии в отечественных вузах нет.

Авторы учебного пособия были бы рады заронить интерес у студентов к этноархеологии и вызвать у некоторых из них желание принять участие в изучении ряда этноархеологических проблем и, в более широком смысле, принять участие в формировании в России этого научного направления.

Глава 1

ЭТНОАРХЕОЛОГИЯ КАК НАУЧНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ

1. ПОНЯТИЕ ЭТНОАРХЕОЛОГИИ

Истории интеграции археологии и этнографии, формирования и развития этноархеологического направления в науке в данном учебном пособии посвящена вторая глава. Поэтому здесь подробно не освещается вопрос о разных подходах к этноархеологии, а даются лишь общие сведения. Больше внимание уделяется точке зрения авторов пособия и ученых, поддерживающих представление об этноархеологии как особом научном направлении, отстаиваемое группой этноархеологи омского научного центра.

До 1960-х гг. консолидация археологии и этнографии выражалась в обращении археологов к этнографическим материалам, как правило, с целью выявления аналогов в культурных явлениях для изучения процессов культурогенеза и этногенеза. Археологи, работающие в области социальной археологии, также привлекали этнографические данные о социуме и социальных отношениях, используя здесь в основном метод сравнительно-исторического познания. Этнографы, в свою очередь, с помощью археологических материалов и артефактов (артефакты в данном случае – это сконструированные из археологических остатков либо даже созданные искусственно конституированные предметы, вещи, инструменты, явления) расширяли возможности науки в исследовании проблем культурогенеза, социогенеза и как части последнего – этногенеза.

В 1960–1970-е гг. в англо-американской археологии этноархеология стала развиваться как направление, связанное прежде всего с методикой современной археологии. Этноархеологию стали определять как "археологию действия", "живую археологию", акцентируя внимание на анализе механизмов археологизации "живой культуры". Цель основного метода этноархеологии в западной науке была определена как достижение умения проводить более объемные или даже почти полные реконструкции социокультурных явлений. А основной задачей здесь стало изучение закономерностей и механизмов превращения "живой" культуры в "мертвую", иначе сказать: этнографической культуры в археологическую. Познание этих закономерностей и механизмов резко увеличивало возможности обратного действия – воссоз-

давать на археологических материалах "живой" социокультурный облик древнего населения.

Каково отношение отечественных ученых к такому пониманию этноархеологии на современном этапе? Буквально лишь единицы ученых России работают в области этноархеологии. Совершенно справедливо А.В. Кенигом в 1997 г. отмечалось, что "... в отечественной археологии отсутствует сколько-нибудь обобщенный опыт этноархеологических исследований как в историографическом, так и в археолого-этнографическом плане".

И.Г. Глушков пишет, что возникшая в конце 1950-х – начале 1960-х гг. в англо-американской археологии этноархеология базировалась "... на целенаправленном изучении живой культуры для целей археологической реконструкции". Складывается впечатление, что этот известный уже сибирский ученый-археолог склонен придерживаться такого же понимания этого научного направления. И уже совсем конкретно только с методической стороны определяет этноархеологию А.В. Кениг, когда под этим научным направлением предлагает "... понимать метод экспериментального моделирования, проводимый на "живой" этнографической культуре". Интересно, правда, что этот же ученый приводит мнение американских ученых, внесших наибольший вклад в этноархеологическую проблематику, о том, что этноархеология "... призвана выявлять не только общие закономерности развития древних обществ, но и их особенности", тем самым закрепляя за этой сферой науки не только методику, но и теорию культуры, общества и их динамику.

Из отечественных этнографов на эту тему более подробно высказывается В.А. Шнирельман. Освещая развитие зарубежной этноархеологии 1970-х гг., он в целом справедливо, на наш взгляд, еще в 1984 г. обратил внимание на то, что западные этноархеологи на том этапе не смогли "... найти необходимый "баланс" между организующей ролью теории и корректирующей ролью методики". И далее он стремится точнее определить суть работы этноархеологов, "... которые ищут пути совершенствования процедуры исторических реконструкций, стремясь глубже понять органичность связи между культурными остатками и функционирующими культурными системами".

В.А. Шнирельману принадлежит и определение этноархеологии. Оно выстроено следующим образом: "ЭТНОАРХЕОЛОГИЯ (Ethnoarchéologie, Ethnoarchaeology, Ethnoarchéologie; синонимы – археологическая этнография, археология действия, живая археология) – направление исследования, появившееся на стыке археологии и этнографии и широко распространившееся в 1960–70-е гг. Объектом исследо-

вания Э служил материальная культура современных народов, а предметом – специфика ограждения в ней особенностей поведения людей и их социальных взаимоотношений”

Здесь же В А Шнирельман определяет виды работы этноархеологов

– этнографические наблюдения, раскопки поздних памятников (поселков и стоянок), сопоставление этнографической информации с материалами раскопок и вскрытие взаимосвязей “ между материальной культурой и ее остатками, с одной стороны, и живой социальной действительностью, с другой”, построение гипотетических моделей для использования их археологами, изучающими древние памятники,

– корректировка этнографической картины (из опроса информаторов) археологическими данными,

– раскрытие роли материальной культуры в функционировании общества, изучение хозяйственной, социальной, символической и других функций материальной культуры, выявление ее пространственного распространения и влияющих на него факторов,

– выявление и исследование особенностей материального производства на всех его этапах, процесса “умирания” материальной культуры “ после ее выхода из употребления и т д ”

В оценках В А Шнирельмана в связи с определением этноархеологии важны два момента Во-первых, этноархеология определяется как научно-исследовательское направление, которое не только сложилось на стыке археологии и этнографии, но и существует как субдисциплина в археологии и этнографии

Второй момент – это достаточно широкая проблематика, разнообразные виды и методы работы в этноархеологии И, действительно, в область научных знаний и опытов этноархеологии ученые включают внедрение, интерпретацию и исследование этнографического материала в сфере археологии, в том числе путями археолого-этнографических аналогий (прямых или скорректированных), этнографическими осмыслениями археологических остатков и археологических ситуаций, внедрением системного подхода, анализа и синтеза функциональных связей с целью воссоздания археологического бытия, изучением процессов “археологизации живой культуры” и др. Налицо стремление этноархеологического направления к новым научным поискам, к расширению своей проблематики и к разработке новых методов исследования

Вот что по этому вопросу писала в 1998 г исследовательница из Ижевска О М Мельникова “ целостное восприятие этноархеологии как научной дисциплины сформировалось у специалистов, чьи иссле-

дования изначально строятся на понимании объекта этноархеологии как социокультурной системы, реконструируемой путем интеграции археологических и этногеографических знаний (Томилов Н.А., 1997)... По всей видимости, этноархеология трансформируется из метода исследования (как способа познания материальной культуры через традиционные методики источниковедческого анализа археологии и этнографии) к исследовательскому направлению с широкой предметной сферой – от древней ископаемой материальной культуры до современной материальной культуры (археологии самих себя), от него – к самостоятельной дисциплине, генетически связанной с археологией, этнографией посредством источника, а в широком смысле с историей в целом – со всеми структурными компонентами научной дисциплины – объектом, предметом науки, познавательными установками, теорией, методами исследования, понятийным аппаратом и т. п."

Ученые – археологи и этнографы Омска, в том числе и авторы данного учебного пособия, приступившие к этноархеологическим работам, – в ходе их все более убеждаются, что масштаб этноархеологических исследований и проблематика достаточно объемны и даже гораздо объемнее, чем это им представлялось в начале работы. Они считают, что вести речь об этноархеологии следует все же не только как о методике реконструкции древних культур и обществ, а как об особом научном направлении. Определение ее, которое дается ниже, видится в следующем виде.

ЭТНОАРХЕОЛОГИЯ – научное направление (или даже отдельная формирующаяся наука), возникшее и развивающееся в результате интеграции археологии и этнографии в XX в., призванное решать круг проблем по генезису и динамике общества и культуры человечества, а также их элементов разных хронологических периодов на основе сопряжения археологического и этнографического видения этих проблем.

И более краткая дефиниция этого направления: **ЭТНОАРХЕОЛОГИЯ** – отрасль научного знания о культуре и обществе, интегрирующая их археологическое и этнографическое познания.

Основой такого подхода к выработке определения этноархеологии является методологическое положение, сформулированное В.А. Тишковым, о том, что совокупность человечества "... есть некое культурное многообразие, мозаичный, но стремящийся к структурности и самоорганизации континуум из объективно существующих и отличных друг от друга элементов общества и культуры". В этом плане смысл этноархеологических знаний – это познание процессов структуризации и системоорганизации (появления структуры и системы) социокультур-

ных явлений в археологической и этнографической действительности. В конце концов все сводится к поискам, реконструкции, конструированию и исследованию социальности, социума общества, организующими свои отношения в соответствии с культурными артефактами, иначе говоря, к выявлению и изучению моделей социокультурной действительности и их динамики.

2. О ФОРМИРОВАНИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЭТНОАРХЕОЛОГИИ

Теперь вопрос о том, является ли этноархеология в российской науке особой дисциплиной. Пока большая часть тех ученых, которые высказывались и высказываются на эту тему, предпочитают вести речь о направлении. При этом некоторые ученые говорят об этом нейтрально по отношению к археологии и этнографии, подчеркивая, что это направление сложилось или складывается на стыке этих двух наук. Другие ученые прямо относят этноархеологию к археологии, а некоторые из них называют ее методом археологии. Наконец, встречается понимание этноархеологии как субдисциплины этнографии. Такое различие связано с определенной этапностью возникновения и дальнейшего развития этноархеологических знаний. Первоначально этноархеология осмыслялась более как направление археологии и даже как ее субдисциплина методического характера. А несколько позднее возникло представление, что этноархеологические исследования – это те, которые проводятся более в традициях этнографии.

Для формирования новой научной дисциплины необходимы определенные условия и факторы. Среди них основными являются: 1) социальная потребность в знаниях нового научного направления, 2) научные разработки, методы, накопленные знания и пр., 3) уровень дисциплинарной организации науки, взаимодействие между учеными и т.д., 4) подготовка специалистов данного профиля (наличие специальности, учебных курсов, учебников, кафедр и т.п.).

Относительно социальных и научных условий для формирования отечественной этноархеологической дисциплины можно ответить положительно – такие условия складываются, о чем говорится во "Введении" данного учебного пособия и ниже, во второй главе. А что касается третьей и четвертой позиций, то здесь пока обнаруживается явный недостаток, хотя и имеется положительная динамика.

Дисциплинарная организация этноархеологии как науки только намечается. Так, имеются сектор этноархеологии в Институте этноло-

гии и антропологии РАН (Москва), небольшие группы по этноархеологии в Сибири (Кемерово, Омске, Сургуте, Томске) и других регионах России (даже сведения по ним еще не обобщены) и небольшое число специалистов, работающих почти в одиночку в области этноархеологии. Недавно в Омском государственном университете при кафедре этнографии и музееведения создана научно-исследовательская лаборатория этноархеологии. То есть пока явно недостаточно научно-исследовательских учреждений или их отдельных подразделений в сфере этноархеологических знаний, чтобы можно было бы считать этноархеологию частной научной дисциплиной.

Также недостаточна здесь частота и плотность взаимодействия между учеными. Проблемы этноархеологии, конечно же, обсуждаются на разных международных, российских и региональных научных конгрессах, конференциях, семинарах и симпозиумах, проводимых в России. Омские ученые связывают надежды на проведение ими в разных научных центрах страны ежегодного всероссийского научного семинара "Интеграция археологических и этнографических исследований" и возведение его в ранг международного мероприятия. Такие семинары проведены ими, начиная с 1993 г., в ряде городов России, планируется организация их в соседних странах – в Казахстане, на Украине и других. Но пока в России нет общественной соорганизованности специалистов в этой области в виде ассоциации, научно-координационного совета или какой-либо другой организации.

Нет и научного журнала по этноархеологии, объединяющего ученых. Научные труды в этой области печатаются в различных сборниках, результаты этноархеологических исследований публикуются и в отдельных монографиях. Омскими учеными издаются книги многоименной научной серии "Этнографо-археологические комплексы. Проблемы культуры и социума", и уже часть ученых разных научных центров страны публикуют в этой серии работы этноархеологической направленности.

Что касается подготовки специалистов данного профиля, то здесь предпринимаются лишь первые шаги в рамках либо археологии, либо этнографии. Нет выделенной специальности этноархеологии в вузах, нет кафедр, аспирантуры. И все же разрабатываются учебные курсы по этноархеологии и по ее отдельным разделам, готовятся специалисты высокой квалификации, подготовлены и защищены первые диссертации по этноархеологической тематике.

Этноархеология как отрасль научных знаний продолжает формироваться в России. И это подтверждает тот общий факт, что современные научные дисциплины, как пишет Л.С. Сычева, "огниодь не

находятся в застывшем, статическом состоянии" и что "в науке происходят, как принято выражаться, "бурные" процессы дифференциации и интеграции". В связи с этим на данном этапе важно определить возможное место этноархеологии в системе гуманитарных наук, наметить направления и программы исследований

Этноархеология в случае ее формирования определяется как научная дисциплина общественности – семейства наук, в которое входят такие частные науки, как история, социология, психология, экономика и др. Последние относятся к традиционным, классическим наукам. Но в истории выделяют также частные традиционные науки, среди них археологию и этнографию. Видимо, такой же научной дисциплиной может стать и этноархеология. Ее цель, так же как и археологии и этнографии, – получение новых знаний.

Сегодня вопрос о предмете формирующейся в отечественной науке этноархеологической дисциплины дискусионен. Он связан со своей очередь с вопросом об объекте исследования – что нужно изучать: действительность или методы или то и другое? И ответ на этот вопрос будет иметь практическое значение. Если этноархеология будет сведена к разработке методики, то она окажется в ряду так называемых нетрадиционных дисциплин, связанных с предписаниями (созданием проектов, технологий и т. п.) и разработками методик исследования. Это верное направление, именно здесь имеются определенные этноархеологические наработки не только в зарубежной, но и в отечественной науке.

Но видны и перспективы этноархеологии в изучении социокультурной действительности прошлого. Возникают и, видимо, будут и в дальнейшем возникать новые конкретные исследовательские программы. Имеются возможности создания программ новой систематизации уже десятилетиями накопленных и известных в археологии и этнографии знаний. А единство исследовательских и коллекторских программ может открыть горизонты получения качественно новых знаний в этноархеологии, которые существенно пополнят исторические знания. Сегодня есть потребность и в методологических исследовательских программах этноархеологического исследования. Конечно же, важное место должно быть отведено программам по разработке методик исследования этноархеологического объекта.

Поиск есть поиск. И нет необходимости опасаться, что представления (версии) ученых о новой формирующейся дисциплине "этноархеология" сегодня не совпадают. Это и естественно, так как процесс становления любой научной дисциплины отражается в самосознании ученых по-разному. Главное – не сузить горизонты и проблема-

тику этноархеологических исследований. От этого зависит и подготовка кадров в сфере этноархеологии. Здесь могут возникать разные научные направления, а в будущем, возможно, и различные научные школы (как это бывает в любой научной дисциплине). Это нормальное явление. Но некоторая опасность при явной зауженности проблематики этноархеологии из-за разных трактовок ее объекта и предмета видится в подготовке специалистов с односторонним уклоном знаний.

3. ОБЪЕКТ, ПРЕДМЕТ И ПРОБЛЕМЫ ЭТНОАРХЕОЛОГИИ

Переходя к вопросу об объектно-предметной области этноархеологических исследований, необходимо отметить еще одно обстоятельство. Это направление формируется на стыке археологии и этнографии, а вернее даже – путем интеграции археологии и этнографии, или, как еще говорят, путем "скрещивания" наук. В связи с этим естественен и "захват" этноархеологическим направлением некоторых исследовательских задач археологии и этнографии. При выделении новых научных направлений в любой области научных знаний – это общее явление. Так, в истории возникло много частных научных дисциплин (археология, генеалогия, историография, источниковедение, этнография и т. д.), и, естественно, что значительную часть задач исторической науки эти дисциплины взяли на себя. Поэтому нет ничего странного, что этноархеологическое направление в объектно-предметной области имеет и будет иметь некоторое пересечение с археологией и этнографией. Важно определить специфику объекта и предмета этноархеологии, которая позволит установить круг исследовательских проблем, углубляющих в целом исторические познания.

Объект этноархеологии составляют, исходя из предложенного выше ее предназначения, социокультурные системы с их сложной структурой и связями, конструируемыми или реконструируемыми путем интеграции археологического и этнографического познаний.

Предмет этноархеологии в общем виде составляют свойства социокультурных явлений отражать историческую действительность и исторические процессы, а также свойства сопряжения этих явлений в одну систему, которые позволяют конструировать или реконструировать социокультурные системы прошлого, их внутренние функциональные связи и взаимоотношения с другими системами. В таком объемном и несколько длинноватом виде определения исследовательского объекта и предмета этноархеологии приводятся нами с 1997 г., хотя и

ранее (с 1994 г.) были попытки Н.А. Томилова обозначить содержание этих дефиниций, но в менее полном виде

Что касается более кратких сущностных определений, то они также должны быть получены. Однако это наиболее трудное дело. Пока только относительно предмета этноархеологии мы можем предложить такой более краткий вариант определения: это свойства социокультурных систем и процессов отражать в системе сопряжения археолого-этнографических познаний историческую действительность.

Исходя из предложенных определений, мы видим, что круг проблем теоретического и эмпирического уровня у этого научного направления достаточно широк. Их решение, как нам представляется, может существенно продвинуть познание человечеством своей истории. Но даже если рассматривать этноархеологию как научное направление, связанное только с методикой реконструкции явлений прошлого, то и в этом случае все равно возникают методолого-теоретические аспекты этой методики.

И все же этноархеология, по нашим представлениям, в будущем выделится в отечественной науке как особая научная дисциплина, имеющая в своей структуре методологию и теорию конструирования и истории моделей прошлого (в нашем понимании – этносоциокультурных систем), историографию интеграции археологии и этнографии, этноархеологическое источниковедение, методику конструирования и реконструкции (для более ранних периодов истории человечества) моделей прошлого и фактические (эмпирические) исследования методами этноархеологии социумов и культур разных исторических эпох и их динамики.

При этом следует исходить из того, что при изучении социокультурных и как одного из их типов этнокультурных процессов, которые являются чрезвычайно важными в системе этнических и этносоциальных процессов, для ранних периодов этнической истории историко-культурных общностей, несомненно, большое значение приобретают археологические материалы. Что касается, например, конкретно такого региона, как Сибирь, то и для периода русских письменных источников, особенно XVII–XVIII вв., роль археологических материалов при изучении культуры коренного населения и в целом истории бесписьменных народов продолжает оставаться довольно значительной. Конечно, письменные источники – архивные материалы, опубликованные документы, записки путешественников, труды ученых разных профилей и т. д. – содержат немало сведений этнографического характера, но в описании культурных, а порой и социальных явлений имеется все же часто много поверхностности и мало конкретности, а

некоторые стороны культуры иногда и вообще бывают не загроуны документами такого рода. Отсюда и необходимость обращения к другим видам источников, и в первую очередь к материалам археологии.

Что касается Сибири, то о важности изучения археологических памятников средневековья и нового времени постоянно пишется в нашей литературе (См., например, работы А.М. Илюшина, Л.Р. Кызласова, В.И. Молодина, Ю.С. Худакова и др.). Именно при изучении памятников этих эпох появляется перспективная возможность непосредственного использования этнографических материалов. Следует еще раз отметить, что вплоть до настоящего времени в такого рода исследованиях чаще всего проявляется одностороннее обращение археологов к этнографическим материалам и этнографов к данным археологии лишь для поисков параллелей. Мудрый московский исследователь И.С. Гурвич верно, на наш взгляд, подмечал, что "...декларируемый почти в каждой работе, посвященной этногенезу, комплексный подход к этой проблеме по существу остается благим пожеланием". Недостаточное овладение теоретическими положениями и методикой смежной науки нередко приводит специалистов этих двух профилей к ошибочным выводам или просто к поверхностным утверждениям. В целом фиксируется положение, при котором без взаимопроникновения теории и методики археологических и этнографических исследований дальнейшее разрешение проблемы этнической интерпретации археологических комплексов, изучения социокультурных процессов в древности не представляется достаточно перспективным. В результате на современном уровне науки выявляется относительно малый выход совокупности археологических и этнографических данных в область исторической информации и прежде всего в изучение истории социокультурных, в том числе этнических, образований. В решении этой проблемы заинтересованными сторонами в одинаковой степени являются как археология, так и этнография.

Представляется, что одна из первоначальных задач при работе в этом направлении состоит в ликвидации своеобразного разрыва между этими двумя науками. Следует подчеркнуть, что археологию и этнографию связывает прежде всего то, что культура в широком ее понимании и социум являются их общими объектами изучения. Отсюда и целый круг общих вопросов этих двух наук: изучение природно-средовых и социально-экономических процессов, хозяйственно-культурных типов, явлений материальной, соционормативной и духовной культуры, хода исторических событий, выявление функций предметов, реконструкция семейных и общественных отношений и т. д. При решении многих из этих вопросов археология и этнография пользуются, как правило, свои-

ми научными методами, а нередко имеют и свой строго очерченный круг проблем, не связывающих эти две науки. Но именно нарастающая в последние годы в отечественной науке интеграция археологических и этнографических исследований приводит к качественно новому этапу в изучении генезиса и динамики социокультурных явлений и систем путем внедрения этноархеологического познания.

Глава 2

ОЧЕРК ИСТОРИИ ЭТНОАРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАПРАВЛЕНИЯ

1. ПЕРИОДИЗАЦИЯ ЭТНОАРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАПРАВЛЕНИЯ

Принципы периодизации

Приступая к периодизации научного направления следует помнить, что наука есть живой, органичный процесс. Всякая системагика, в том числе и периодизация, представляет собой жесткую структурную решетку, которая извне накладывается на этот процесс, а потому - никогда не сможет отразить его во всей полноте, никогда не сможет исчерпать его содержание. Однако для того, чтобы сделать живой поток научного исследования обозримым, доступным для изучения, его необходимо упорядочить, привести в него известную систему, установить этапы процесса развития. Ценность периодизации определяется не тем, сколь полно и адекватно она отражает естественный ход вещей (исчерпывающей полноты и адекватности все равно никогда не удастся достичь), а тем, насколько она способствует пониманию предмета. Если предлагаемая периодизация позволяет ответить на неразрешимые прежде вопросы, если она раскрывает новые перспективы в познании изучаемой дисциплины – то это хорошая, работающая периодизация

А чтобы избранная периодизация оказалась именно таковой, необходимо соблюсти два основных принципа. Во-первых, она должна быть единой для изучаемого предмета в целом. Какой бы аспект этноархеологического направления мы ни рассматривали – будь это теория и методология, хроника исследований, научные биографии представителей данного направления, история учреждений, в рамках которых оно развивалось и пр., – во всех случаях принятые рамки общей периодизации должны оставаться действенным рабочим инструментом, который не только не искажает различные грани изучаемого предмета, но и позволяет получать искомый научный результат. Периодизация должна быть такой, чтобы все без исключения работы в рамках данной дисциплины были сопоставимы.

Во-вторых, такая периодизация должна соответствовать внутреннему механизму развития этноархеологии, должна объяснять науку из нее самой. Более того: сама внутренняя логика, механика обустройства и движения науки должна раскрываться, проявлять себя посред-

ством этой периодизации, из ее структуры. Иначе говоря, избранная периодизация должна обеспечить рассмотрение как этноархеологии в целом, так и любого ее аспекта в качестве целостного, подчиненного внутренней логике развития гносеологического феномена.

Критерий периодизации

Очевидно, что периодизация, отвечающая столь высоким требованиям, может быть основана лишь на одном критерии, который относится к области категорий (основных, наиболее общих понятий) этноархеологии. А поскольку история науки – это прежде всего история мысли, и в первую очередь – история научного самосознания, т. е. понимания исследователем своей науки, то в качестве искомого критерия следует избрать понимание одной из категорий (разумеется, иерархически важнейшей) Меняется понимание такой категории – меняется лицо и язык науки, наступает новый этап ее развития.

Раз категории есть наиболее общие понятия, их не может быть много. Всего категорий в этноархеологии четыре:

- памятник – результат человеческой деятельности, непосредственно данный исследователю (иначе говоря – объективно существующий артефакт, артефакт в его онтологическом аспекте);
- источник – информация, которую исследователь извлекает из памятника (иначе говоря, осмысленный, понятый артефакт, артефакт в его гносеологическом аспекте);
- объект и предмет – все то, что изучается посредством источника, что воссоздается на его основе;
- метод – приемы, способы, умения и навыки, которые делают возможным данный познавательный процесс.

При этом памятник превращается в источник, объект и предмет изучаются посредством источника, а для того чтобы все это состоялось, к источнику прилагается метод. Строго говоря, для исследователя реально существует только источник. А потому источник – основная категория этноархеологии. Лишь эта категория позволяет рассматривать всякую дисциплину именно как самостоятельную науку, придает ей, науке, собственное лицо. На уровнях памятника, объекта, предмета и метода этноархеология может совпадать и действительно совпадает со многими естественными и гуманитарными науками (что, кстати, и делает возможной их интеграцию). Но только особый взгляд на памятник, особое осмысление памятника превращает исследователя в этноархеолога собственно как такового.

Соответственно, понимание источника этноархеологии есть критерий периодизации ее развития.

Схема периодизации археолого-этнографического направления в российской науке

Следует также помнить, что источник этноархеологии носит комплексный характер. Его осмысление, истолкование формируется на двойственной базе – там, где соприкасаются, взаимопроникают археологический и этнографический взгляды на памятник. А значит, процесс развития этноархеологии, совпадая в основных параметрах с вышеназванными науками, неизбежно будет иметь важные отличительные черты. С учетом этого, периодизация этноархеологического направления предстает в следующем виде.

Первый период охватывает конец XVII в. – 1820-е гг. Тогда в качестве основного источника исследователю служил отдельно взятый предмет и, соответственно, этноархеологические идеи проявлялись через прямое сопоставление (сравнение) археологических и этнографических материалов. В этом периоде просматриваются 2 этапа. На первом этапе (с конца XVII в. до 1760-х гг.), когда всякий источник воспринимался лишь аналогично письменному тексту, делаются первые опыты сопоставлений археологических и этнографических вещей, идентификации археологических находок по исторически известным этносам, т. е. попытки археологические вещи определить этнически через исторически известные в то время в России этносы. На втором этапе (с 1760-х гг. до конца 1820-х гг.) этот опыт обогащается только что зародившейся формальной типологией и плодами бурного развития выделявшейся в то время в самостоятельную науку этнографии, что приводило порой к созданию синтезированных археолого-этнографических источниковых баз. Именно тогда осуществлялось внедрение в соотнесение археологических и этнографических материалов положений разрабатываемых тогда теорий о типологии вещей по видам форм, о развитии формы вещей и др.

Во втором периоде (1830-е – конец 1920-х гг.) основной источник приобретает системный характер, причем эти системы отличались методологическим разнообразием. Первый этап (по 1870-е гг.) отмечен повышенным интересом к реальным соотношениям вещей в археологических памятниках и этнических общностях – к тем соотношениям, что определялись в то время как "совокупности признаков", характеризующие культуру. Соответственно, и археолого-этнографические разработки строились комплексными методами. Исследователи соотносят уже не вещи, но культуры, воссоздавая, как тогда выражались, "действительную жизнь посредством памятников".

Ко второму этапу второго периода (с 1880-х гг. до конца 1920-х гг.) завершается длительный процесс складывания формально-типологи-

ческого метода, который становится основным. Огнине, базируясь на историческом исследовании форм и стиля предметов, исследователи выходят, как они сами определяли, на "связь исторических явлений", открывают в вещах "свидетелей народной жизни". В свою очередь, археолого-этнографическая систематика выходит в это время на уровень соотношения наук в грандиозной триаде антропологии, археологии и этнографии. Будучи самостоятельными, эти дисциплины обретают некий общий предмет, относительно которого их совокупность именуется палеоэтнологией, палеоэтнографией или, реже, социологией. Этноархеология как бы теряется в этой грандиозной триаде, становится частным случаем обширных комплексных исследований. В лучшем случае, кто-нибудь из представителей той или иной научной школы проявляет себя именно как этноархеолог. А это почиталось ограниченностью, методологической ущербностью – как и тогда, когда коллега оказывался антропологом, археологом или же этнографом как таковым.

Настолько значительны были научные результаты в сфере комплексных археолого-этнографических исследований, и особенно четко это проявилось в третьем десятилетии XX в., даже отдельные ученые высказывают (правда, в основном в устной форме) мнение, что именно тогда сложилась в нашей стране этноархеология как самостоятельная наука, хотя по отношению к ней этот термин не употреблялся, а этноархеологические знания наращивались в рамках палеоэтнологии. Не вдаваясь в вопрос о соотношении этноархеологии и палеоэтнологии (палеоэтнографии), заметим все же, что необходимых социальных, научных и организационных условий для выделения этноархеологической области знаний в самостоятельную науку тогда все же не сложилось. Формировавшееся так называемое палеоэтнологическое направление фактически было ликвидировано в начале 1930-х гг.

Третий период (начало 1930-х гг., а верхняя хронологическая граница остается открытой и доходит в целом до настоящего времени), изучен на сегодняшний день крайне слабо. Его определяют прежде всего те значительные совместные археолого-этнографические исследования, которые проводились крупными, хорошо организованными комплексными экспедициями, созданными временными коллективами и выдающимися специалистами, работавшими одновременно в археологии и этнографии и в значительной мере способствовавшими получению новых этноархеологических знаний (В.А. Куфтин, С.И. Руденко, С.П. Толстов, В.Н. Чернецов и др.). Из ныне здравствующих ученых существенных успехов в этом направлении достигли С.И. Вайнштейн, В.П. Дьяконова, томские археологи и этнографы, создавшие с

привлечением ученых из Екатеринбурга, Новосибирска, Омска и некоторых других городов многотомный труд "Очерки культурогенеза народов Западной Сибири" (под редакцией Н.В. Лукиной), а также омские этноархеологи в сфере теоретических и методологических разработок в этноархеологии.

В этом периоде, наиболее слабо изученном и определяемом нами как современный, видимо, можно выделить три этапа. Для первого этапа этого периода (с 1930-х гг. приблизительно – по окончании Великой Отечественной войны, т. е. до середины 1940-х гг.) показательно свертывание палеоэтнологических школ и поиск новых подходов к сопряжению археологического и этнографического материалов. Он характеризуется не столько масштабами экспедиций, сколько формированием и развитием внутренних научно-интерпретационных подходов к проблеме сопряжения археологических и этнографических знаний.

Второй этап третьего периода (со второй половины 1940-х гг. и, возможно, до конца 1970-х гг.) отмечен крупными, хорошо организованными археолого-этнографическими экспедициями в Сибири, Средней Азии, отчасти на Кавказе и в некоторых других регионах СССР, которые непрерывно работали по многу лет и объединяли в своем составе широкий круг специалистов. Во главе таких комплексных экспедиций стояли выдающиеся исследователи, работавшие одновременно и в археологии, и в этнографии, и в других смежных дисциплинах. В результате существенно расширилась источниковая база, что позволило приступить к наработке новых этноархеологических методик и концепций.

Для крайнего же, современного этапа, начавшегося где-то на рубеже 1970-х – 1980-х гг., точнее с конца 1970-х гг., характерно повышенное внимание к историографическим и теоретико-методологическим проблемам этноархеологии, а также осмысление соотношения двух наук на уровне интеграции и формирования науки этноархеологии. Это сопровождается достаточно заметными результатами в области комплексных исследований культур, общества, этносов. В результате, где-то с середины 1990-х гг. можно констатировать явный качественный перелом. На сегодняшний день уже достаточно четко оформилось понимание этноархеологии как отрасли научных знаний, определены ее предмет, объект, проблемы, источники, методы. Обозначены пути организационного оформления этноархеологии как дисциплины, начата поэтапная профессиональная подготовка в данной области.

2. ПЕРВЫЙ ПЕРИОД – ПЕРИОД ПРЯМЫХ СОПОСТАВЛЕНИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ (конец XVII в. – конец 20-х гг. XIX в.)

Исключительное место Сибири в истории отечественного археолого-этнографического направления не случайно. Сибирь – один из тех регионов, где археологические и этнографические материалы тесно смыкаются, причем не только территориально, но и хронологически. Археолого-этнографическая сопряженность у нас – объективная исследовательская потребность, вытекающая из специфики источниковой базы. Сибирская археология невозможна без этнографии – впрочем, точно так же справедливо и обратное утверждение.

Это было ясно уже на рубеже XVII–XVIII вв., когда началось осмысление вещественного памятника в качестве исторического источника. Соответственно, основным источником в это время выступает его, источника, изначальная форма – вещь, аналогичная тексту. Такой источник имел тем большее познавательное значение, чем ближе он был по своим формальным характеристикам к традиционному, письменному источнику: это, в первую очередь, эпитафия, а также квазитексты: изображения, сооружения, "фигурные" древности. Подобно письменному документу, эти памятники не содержали историческую информацию, а несли ее на себе.

С другой стороны, памятники воспринимались в контексте господствовавшего тогда понимания исторического процесса как серии внутренние целостных, завершенных циклов. Соответственно, наибольший прагматический интерес представлял последний из этих циклов – тот, в котором сам исследователь имеет место быть. В результате, включение памятников в рамки актуального, незавершенного периода (т. е. признание их "полезными для изъяснения истории") порождало зеркальную ориентацию источника во времени: 1) четко обозначенную нижнюю хронологическую границу, ранее которой как бы ничего не было, и 2) размытую, прямо переходящую в этнографическую современность верхнюю. Так что в России эпохи Раннего Просвещения археолого-этнографические параллели с самого начала становятся характерной чертой зарождающейся науки.

Уже первые истолкователи сибирских древностей, С.Ю. Ремезов и Н.К. Витзен, видели свою основную задачу в прямом соотношении археологического материала с этнографическим. Так, Семен Юлианович Ремезов (1642–1720) делит все известные ему памятники

на древние и более новые Древнейшие принадлежат, по его мнению, "чуждскому народу", т. е. татарам-язычникам, а более поздние – исламизированным татарам. Близкой культурно-хронологической позиции держался и Николай Корнелиус Витзен (1641–1717). Руины и курганные вещи, найденные в западносибирской степи, он числил за китайскими колонистами, пришедшими сюда с Чингисханом, а писаницы – за сирийскими несторианами. Вообще, научное значение древностей Сибири состоит, по мнению Н.К. Витзена, в том, что "по ним наверно можно будет узнать, какие народы там жили в древние времена" (1714 г.).

Соотнесение археологического и этнографического материала успешно выполнялось и в том случае, когда исследователь был склонен скорее к культурной, нежели к этнической интерпретации своих источников. Так, поручик геодезии Иван Шишков, работавший по комплексным программам В.Н. Татищева, составил в 1740–1742 гг. описание Томского и Кузнецкого уездов. Здесь он много говорит о том, как новокрещенные аборигены "ездят и суеверят" вокруг каменных баб, намазывая их рты салом, да так ездят, что при "болванах" натоптаны широкие дороги. А кроме того – что местные городища весьма напоминают ему современные "земляные юрты", что случайно найденный в степи бронзовый кинжал использовался, по свидетельству "некоторых", для жертвоприношений. Налицо ярко выраженное стремление тесно увязать памятники с инородцами – современниками исследователя; ретроспективы нет, все древности как бы недавние, и получается, что археологический памятник есть памятник этнографический.

Но, пожалуй, наиболее ярко палеоэтнографическая тенденция – расписать всю, без остатка, археологию Сибири по этнографической номенклатуре – проявилась у академика Иоганна-Георга Гмелина (1709–1755), спутника Г.Ф. Миллера по 2-й Камчатской экспедиции. Часть курганов он списал на калмыков и бухарцев, каменные бабы – на татар и т.д. Он первый в нашей науке разработал обстоятельную классификацию древних погребальных сооружений Сибири и – увенчал ее "киргизскими могилами", в которых находят "остатки сапогов".

Даже Герард Фридрих Миллер (1705–1783), который принял классификацию И.Г. Гмелина практически без возражений, здесь счел нужным оговориться: означенные погребения, по его мнению, "не следует смешивать с древними могилами, потому что народ, которым они сооружены, еще в свежей памяти и так известен, что пособий для //изучения быта// его нечего отыскивать в могилах" (из Инструкции для адъютанта Фишера 1740 г.). Примечательно, что в этой Инструкции

каждая из наук – археология ("древности") и этнография ("нравы и обычаи народов") – выделена в особый раздел

Другие материалы также показывают, что Г Ф Миллер (как и некоторые его современники – Г И Новицкий, Г В Геннин) уже постиг четкую дифференциацию археологии в общем русле движения исторической науки. Он уяснил, что археологический источник может дать исследователю нечто такое, чего прочие источники дать не могут. Иначе говоря, во время экспедиции по Сибири Г Ф Миллер явно расходился с большинством коллег во взглядах на значение археолого-этнографических параллелей. Однако, приступив к "Описанию Сибирского Царства", Г Ф Миллер возвращается на традиционные позиции и распределяет известные ему древности Сибири между исторически известными народами – уйгурами, сирийцами-несторианами и татарами Чингисхана.

Можно сделать вывод, что прямые археолого-этнографические параллели как методология вполне соответствовали природе основного источника эпохи Просвещения, а равно и тогдашнему пониманию исторического процесса. Вот почему отечественная археология возникает и долгое время существует в тесном единстве с этнографией (в отличие, скажем, от западноевропейской археологии, которая возникает в эпоху Возрождения как наука классических древностей, а потому и не будет достаточно долго, вплоть до возникновения первобытной истории, иметь к этнографии прямого отношения).

1760-е гг. ознаменовались появлением собственно археологического источника, отличного от источников иных наук. Основы его заложил Иоганн Иоахим Винкельман (1717–1768), который стал рассматривать историю древнего искусства как историю развития форм памятников этого искусства. Разумеется, едва зародившись, типологический ряд не мог претендовать на роль основного источника, ему предстоял долгий путь становления. Поэтому в качестве основных должны были последовательно выступать "ино-типы" этого источника. А поскольку всякий типологический ряд состоит из отдельных предметов, то, прежде чем реально восходить на уровень типологии, следовало познать отдельно взятую вещь собственно как таковую. Соответственно, отдельно взятый предмет продолжал оставаться основным источником, но уже иным по своему качеству.

На этом этапе отечественное археолого-этнографическое течение заметно меняет облик. Самые крупные достижения того времени связаны с именами З Я Ходаковского и А Н Оленина. В частности, Зориан Яковлевич Ходаковский (1784–1825) на исходе 1810-х гг., сопоставляя и картографируя данные топонимики и археолого-этногра-

фические результаты своих экспедиционных поездок, пришел к выводу, что расположение славянских городищ подчиняется определенным закономерностям. Этот вывод так увлек З. Я. Ходаковского, что он стал промерять урочища, памятники и расстояния между ними по картам, соотнося результаты промеров с местными названиями памятников.

Разумеется, З. Я. Ходаковский заблуждался: культуру нельзя рассчитать по циркулю, культура — не машина, а потому ее вообще почти нельзя рассчитать. Однако в данном случае куда важнее не ошибка, а правота З. Я. Ходаковского. Он первым поставил вопрос о том, как конкретно преломляется этнический спецификум в формальных характеристиках археологического памятника. Более того, он же указал и верный способ ответа — через синтез разнородных источников в целостный исторический (фактически этноархеологический) факт.

Что же касается Алексея Николаевича Оленина (1763–1843), то созданная им "технологическая археология" (авторский термин) вообще была возможна лишь как синтез источниковых баз под эгидой единого объекта — когда этнографический материал служил ключом к пониманию материала археологического. Вообще, неизученность "технического знания обрядах и обычаев, которые сохранились неприкосновенными в Азии и Африке" почиталась им как главное препятствие развитию археологии. Не случайно разработанный А. Н. Олениным в 1820-е гг. курс археологии, предназначенный для чтения в Императорской академии художеств, не только по содержанию, но и терминологически представляет целостную археолого-этнографическую учебную дисциплину — едва ли не первый опыт подобного рода в России!

Из числа наиболее впечатляющих полевых работ комплексного характера, выполненных на данном этапе, можно указать многочисленные изыскания наших офицеров на Северном Кавказе. Продуманное сочетание археологических и этнографических наблюдений (в основном, по военным обстоятельствам, рекогносцировочного характера) дало важные результаты и, в частности, открыло для отечественной науки феномен одичавшего христианства.

На общероссийском фоне сибирские разработки в рассматриваемое время не производят сколько-нибудь сильное впечатление. Корреляция археологического и этнографического материала явно уходит на периферию исследовательского процесса. Показателен в этом отношении пример морского офицера Гавриила Андреевича Сарычева (1763–1830), который в 1787 г. по пути из Нижне-Кочымска к Берингову проливу раскопал на Барановом Камне несколько "обвалившихся земляных юрт", весьма квалифицированно соотнес результаты раскопок с данными местной этнографии — и потому вполне за-

служенно почитается родоначальником арктической археологии. Большую ценность имеют наработки Г.А. Сарычева в области теории и практики сравнительного метода, что определяет его место в отечественной историографии первобытной истории. Однако в сфере древностей Г.А. Сарычева более всего интересовала историческая археология, а именно – древности русских экспедиций по Северо-Восточной Азии и сопредельным океанам; вот область, в которой Г.А. Сарычев также безусловно должен почитаться родоначальником! Да и собственно этнографический материал использовался им для проверки не археологических источников, но именно источников исторических.

И если обратиться к трудам П.С. Палласа, ГИ. Спасского, П.А. Словцова и других исследователей этой эпохи, известных своими археологическими и этнографическими изысканиями, то легко обнаружить ту же картину. Источники сопоставляются ими не столько между означенными дисциплинами, сколько, каждой из них в отдельности – с источниками собственно историческими. Не этноархеологическая, но историко-археологическая и историко-этнографическая интеграция определяют на данном этапе лицо сибирской науки.

3. ВТОРОЙ ПЕРИОД – ПЕРИОД КОМПЛЕКСНОГО ПОДХОДА В АРХЕОЛОГО- ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ (30-е гг. XIX в. – 20-е гг. XX в.)

На исходе 1830-х гг. познавательные возможности отдельно взятого предмета в качестве основного источника были исчерпаны. А значит, на смену ему должен был прийти "антитезис". Отныне целью научного поиска становится выявление реального соотношения вещей в памятнике, иначе – "совокупность признаков", как определял характер нового основного источника граф А.С. Уваров, или "комплекс", как стали называть его позднее. А поскольку комплекс есть система отношений, то предметом исследования автоматически становится история, по расхожей формулировке того времени, – "воссоздание действительной жизни посредством памятников". И вскоре уже мало кто мог отличить как археологию, так и этнографию от исторической науки. С другой стороны, именно в этот период возникает и достигает своего расцвета такое уникальное научное направление, вообравшее в себя аспекты многих гуманитарных и естественных дисциплин, как палеоэтнология (палеоэтнография), под которой сегодня понимается

нередко раздел исторической этнографии, изучающий исчезнувшие этносы главным образом древности и средневековья.

Общеметодологические перемены серьезно повлияли на состояние археолого-этнографической консолидации в России. Здесь, конечно же, первым должно быть названо имя ученого языковеда Маттиаса-Александра Кастрена (1813–1852). Его вкус к археолого-этнографическим сопоставлениям на базе лингвистики сформировался еще во второй половине 1830-х гг. в путешествиях по Олонецкой губернии и Ланландии. Середину 1840-х гг. он проводит в бассейне Оби, где, в частности, определяет предмет своих изысканий как "древнейшая этнография" верховьев Оби и Иртыша, ради познания которой М.А. Кастрен полагал "не лишним разрыть все чудские могилы" (1847 г.). Соответственно, "история переселений финских племен" должна изучаться, по его мнению, на основе древних памятников, преданий и названий местностей.

В том же направлении, формируя в конкретно-практическом соотношении методик единую по содержанию археолого-этнографическую источниковую базу, действовал – хотя и несколько позже, и на ином материале – русский офицер Чокан Чинисович Валиханов (1835–1865). К сожалению, оба они, за краткостью отпущенного им времени, не смогли в должной мере реализовать свои глубокие интеграционные замыслы. Зато – аналогичные замыслы в полной мере осуществил в 1860-е гг. академик Василий Васильевич Радлов (1837–1918), блестяще реализовав на богатейшем южносибирском материале задуманную М.А. Кастреном источниковую триаду "древнейшей этнографии".

Совершенно иную в методологическом отношении интеграцию археологического и этнографического материала осуществил один из основателей отечественной палеоэтнологии, ученик П.А. Кропоткина Иван Семенович Поляков (1847–1887), значительная часть исследовательской деятельности которого связана с Сибирью и Дальним Востоком. Рассматривая доисторического человека как элемент природы, И.С. Поляков ставил очень соблазнительную цель: постичь этого человека во всей полноте его природно-культурных взаимосвязей. Археологического материала для этого было, конечно же, недостаточно, и И.С. Поляков остро ощущал нехватку живых эквивалентов природно-культурным состояниям Европы в "эпоху северного оленя". Ход рассуждений при этом был достаточно прост: если образ жизни человека прямо зависит от среды обитания, то структурное сходство природных условий должно гарантировать структурное сходство культур.

И вот, отследив гипологическое тождество природных условий Европы конца ледникового периода и современного севера Сибири,

И С Поляков сопоставил на этой основе этнографические данные, полученные им в Нижней Оби, и палеолит долины р Везер в Южной Франции (знаменитые в то время "везерские троглодиты") В качестве дополнительного материала послужили собственные археологические работы И С Полякова в Сибири, а также этнография народов Африки, Южной Америки, Тихого океана В конце концов, И С Поляков пришел к выводу, что "в долине Оби сохранился тот первобытный склад жизни, который переживала Европа в доисторические времена" (1877 г)

Здесь, разумеется, не обошлось без чарующего влияния французских отцов палеоэтнологии, а также Г Спенсера и Э Б Тэйлора Нужно помнить, что самое становление первобытной археологии совершалось на стыке науки о древностях и этнографии, ибо идентификация ископаемых артефактов была возможна лишь по аналогии с артефактами "диких" Не случайно все первые обобщающие разработки в этой области носили комплексный характер, фактически отождествляя исторически известных "примитивов" и доисторических людей Однако куда важнее другое под пером И С Полякова характеристика "первобытной степени культурного развития остяка" (ханта) превратилась в источник палеоэтнологии – источник, структурно гождественный древнейшим археологическим памятникам, но раскрывающий такие содержательные грани, которые в принципе не были доступны археологу-палеолитчику

Одно из серьезнейших слабых мест в построениях И С Полякова – это, конечно же, территориальная разнесенность составляющих его источниковой базы Обсуждать проблему тождественности первобытных этнографических и ископаемых доисторических культур было бы корректно только на пространственно сопрягаемых источниках Конечно, сам И С Поляков был не в силах разорвать этот замкнутый методологический круг, и перспектива работы в намеченном им направлении обозначилась лишь на следующем этапе – с 1880-х гг В этом десятилетии завершается процесс формирования типологического метода, начало которому положил еще И И Винкельман Последний, но исключительно важный штрих добавил шведский ученый Оскар Монтелиус (1843–1921), разработав методiku доказательства неслучайности типологического ряда Это означало, что появилось особое, самостоятельное археологическое источниковедение Основным источником отныне становится типологический ряд и – как крайнее, предельное его проявление – археологическая культура, г е поперечный срез пучка типологических рядов

Вновь открывшиеся возможности дали мощный толчок интеграционному процессу в области археолого-этнографической методо-

логии. Здесь наиболее впечатляющих результатов достиг, пожалуй, Дмитрий Николаевич Анучин (1843–1923). Силой своего исключительного, многогранного профессионализма и глубокого теоретического ума он впервые сумел получить тесное, органичное слияние антропологии, археологии и этнографии на уровне дисциплин – что стало возможным за счет единого предмета исследования, цементирующего эти направления. Разработанная им концепция заслуженно удостоилась в истории науки звания "анучинской триады". На ее методологической основе сложилась анучинская научная школа – одна из сильнейших отечественных палеоэтнологических школ, достойными представителями которой были Б.С. Жуков, Б.А. Куфтин, Н.И. Лебедева и многие другие.

Из них Борис Сергеевич Жуков (1892–1933) стал, пожалуй, самым ярким последователем, настоящим преемником Д.Н. Анучина в области археолого-этнографического направления. Именно он, автор доныне работающей концепции археологической культуры, возглавил во 2-й половине 1920-х гг. серию комплексных археолого-этнографических экспедиции этнологического факультета 1-го Московского университета – по Центрально-Промышленной области, Тверскому краю, Подмоскovie и, наконец, Причерноморью. Жуковские "экскурсии" положили начало тем "новостроечным" экспедициям, что сформировали лицо отечественной науки в 1930–1950-е гг. К сожалению, внешние обстоятельства оборвали труды Б.С. Жукова и привели его к преждевременной кончине.

Что же касается Сибири, то здесь за разрешение интегральной гносеологической проблемы в новых методологических условиях одним из первых взялся Бернгард Эдуардович Петри (1884–1937) – историк-первобытник во втором поколении. В своих исследованиях он гораздо теснее, энергичнее, нежели И.С. Поляков, сопрягал этнографическую культуру, культуру ископаемую и окружающую их природную среду. Его можно без преувеличения назвать "экологическим детерминистом" – едва ли не первым представителем этого направления в истории отечественной палеоэтнологии. Вместе с тем, Б.Э. Петри стремился свести археологический и этнографический материал к единому, гносеологически корректному знаменателю, рассматривая оба типа источников в категориях "культурных провинций" (иначе – "культурных кругов"). Здесь Б.Э. Петри достиг, при всех издержках, весьма впечатляющих результатов, которые на десятилетия вперед определили пути археолого-этнографической интеграции. Так что не случайно современные археологи и этнографы Восточной Сибири, с которой

связан последний период научной деятельности этого замечательного исследователя, почитают Б.Э. Петри своим отцом-основателем.

4. ТРЕТИЙ ПЕРИОД – ПЕРИОД ИНТЕГРАЦИИ АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ И СТАНОВЛЕНИЯ ЭТНОАРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАПРАВЛЕНИЯ (30-е гг. XX в. – начало XXI в.)

Преемником Б.С. Жукова как лидера отечественной археолого-этнографической интеграции становится на исходе 1930-х гг. Сергей Павлович Толстов (1907–1976). Именно он, сын офицера, студент Московского университета, с довольно нежного возраста – года кончины Д.Н. Анучина – воспринял и развил идеи этнокультурного единства на уровне источниковой базы. В 1937 г., возглавив только что открывшуюся кафедру этнографии МГУ, он положил начало трудам комплексной Хорезмской экспедиции, которая пережила Великую Отечественную войну, широко развернулась после нее и стала образцовой для всех позднейших предприятий такого рода – на Волге, в Саянах, Туве, на Кавказе.

Хорезмская экспедиция стала работать как постоянная многолетняя экспедиция с 1937 г. в низовьях Аму-Дарьи – регионе с большим количеством археологических и исторических памятников и наличием этнографических объектов – каракалпаков, туркмен и узбеков. После Великой Отечественной войны сразу же в 1945 г. в Хорезмской экспедиции наряду с археологическими появились и этнографические отряды. Сама экспедиция превратилась в комплексную археолого-этнографическую экспедицию, к работе которой привлекались и специалисты естественно-научной и технической сфер. Благодаря этим и другим археолого-этнографическим исследованиям Институт этнографии АН СССР занял лидирующее положение в этноархеологическом направлении отечественной исторической науки.

В конце 1940-х – начале 1950-х гг. в Советском Союзе были организованы наряду с Хорезмской Саяно-Тувинская, Южнотуркменская экспедиции, проводившие археологические и этнографические работы. Бесспорно, в Саянах, нижнем течении Аму-Дарьи, южных районах Туркмении долгое время сохранялся традиционный уклад и быт. Это позволило ученым получить уникальные этнографические материалы и дало возможность сопоставить их со средневековыми (или позднесредневековыми) объектами. Специалисты из Института этнографии

АН СССР и Института археологии АН СССР совместно с местными учеными провели гигантские по объему работы, были проведены конференции и совещания по этногенезу и этнической истории, опубликованы большие серии научных работ, в том числе и монографического характера.

Однако эти работы, несмотря на их комплексность, проходили в несколько ином русле, нежели этноархеологические исследования. Фактически это были работы отдельных отрядов или групп исследователей по археологической или этнографической тематике с использованием материалов смежных дисциплин. Методика подобных исследований в 1940-х – 1960-х гг. предполагала использование фактов и выводов одной дисциплины для обогащения или иллюстрации положений другой дисциплины

Ведущие фигуры междотраслевых исследований истории народов Сибири середины XX в. – это, конечно же, В.Н. Чернецов, А.П. Дульзон и Г.Ф. Дебец. Все они развивали концепцию "древней этнографии", заданную столетие назад М.А. Кастреном, – правда, с различными методологическими акцентами. Валерий Николаевич Чернецов (1905–1970) стремился раскрыть палеоэтнографическую картину, опираясь преимущественно на археологические и этнографические материалы, Андрей Петрович Дульзон (1900–1973) – преимущественно на лингвистические и археологические, а Георгий Францевич Дебец (1905–1969) – на антропологические и этнографические источники. Причем в этой блестящей гряде именно А.П. Дульзон, доктор филологических наук и глубокий лингвист, поставил дело археолого-этнографической интеграции на качественно новый уровень. Сопрягая письменные свидетельства XVI–XVII вв. с этнографическим материалом, он обращался от этого комплекса к ближайшим по времени археологическим памятникам, пытаясь связать все это местным языковым, в первую очередь – топонимическим материалом

Объединял же этих исследователей метод, который В.И. Матюшенко называет "ретроспективным" – как движение мысли ученого от историко-этнографической данности к историко-археологической реконструкции. А ретроспективный подход с необходимостью предполагает интегрированную, комплексную источниковую базу, для формирования которой, в свою очередь, потребны весьма значительные ресурсы (здесь, пожалуй, не только археология, но и этнография превращается в "науку богатых"). Собственно, на третьем этапе становления этноархеологии сложилась типичная для истории науки ситуация: одни ученые могли формировать надлежащую по объему и составу источниковую базу, но у них не оставалось ни времени, ни сил для

надлежащего осмысления и систематизации ее; у других было время и силы, но – они оставались вне процесса формирования полномасштабной источниковой базы.

За преодоление этого дисбаланса взялись опять же традиционным способом – массированием научной мысли в живом, дискуссионном общении. С 1958 г. в Томске по инициативе А.П. Дульзона (на базе педагогического института) прошла серия всесоюзных конференций по проблеме "Происхождение аборигенов Сибири и их языков". Пожалуй, именно эти симпозиумы положили начало как методологическому, так и организационному оформлению этноархеологии в качестве самостоятельного научного направления. Логичным развитием начинания А.П. Дульзона стали Западно-Сибирские археолого-этнографические совещания, которые с 1970 г. проводит Томский государственный университет, точнее – открытая в 1968 г. при университете Проблемная научно-исследовательская лаборатория истории, археологии и этнографии Сибири. Самый значительный результат многолетних трудов лаборатории – вышедший в 1990-е гг. коллективный 4-томный труд "Очерки культурогенеза народов Западной Сибири", к работе над которым были привлечены также ученые других исследовательских центров страны.

Третий этап третьего периода, начавшийся в конце 1970-х гг. и продолжающийся в наши дни, характеризуется существенным наращиванием методолого-теоретических, в т. ч. историографических и методологических, исследований в области интеграции (а не просто контактности, координации или даже комплектности, хотя последняя дефиниция ближе к интеграции, она все же полностью не совпадает в ней) археологических и этнографических исследований (работы С.А. Арутюнова, М.Л. Бережновой, В.В. Боброва, В.Б. Богомолова, И.Г. Глушкова, А.В. Головнева, С.В. Гусева, А.В. Жука, А.М. Илюшина, А.Н. Калабанова, А.В. Кенига, Л.С. Клейна, М.А. Корусенко, С.Н. Корусенко, О.М. Мельниковой, В.И. Молодина, А.И. Решетова, О.М. Рындиной, Д.Г. Савиннова, А.Г. Селезнева, В.И. Семеновой, С.Ф. Татаурова, Л.В. Татауровой, С.С. Тихонова, Н.А. Томилова, А.М. Хазанова, Ю.Ю. Шевченко, В.А. Шнирельмана и др.). В то же время достигаются конкретные и порой весомые научные результаты в археолого-этнографическом интеграционном изучении культуры, социума, этнической истории и других проблем учеными Ижевска, Кемеровы, Москвы, Новосибирска, Омска, Санкт-Петербурга, Сургута, Томска, Якутска и ряда других городов.

Наметившиеся существенного характера сдвиги в формировании этноархеологии как выделившегося направления в отечественной

науке или даже как выделяющейся самостоятельной науки подводят нас к возможности выделения, вероятно, в недалеком будущем еще одного, четвертого периода, начало которого, может быть, будет определяться серединой 90-х гг. XX в. Именно в середине – второй половине 1990-х гг. сформулированы основные положения об этноархеологии как отрасли научных знаний и учебной дисциплине, определены ее объект, предмет, проблемы, источники, методы и т. д., и этим заложена методолого-теоретическая база отечественной этноархеологии наряду с научными работами и накопленными этноархеологическими знаниями. Отметим, что впервые формулировки этноархеологии и ее проблем даны в советской науке еще в 1980-х гг. Виктором Александровичем Шнирельманом, который рассматривал ее как "...направленные исследования, появившиеся на стыке археологии и этнографии...". Под этноархеологией многие отечественные ученые сегодня вслед за омскими исследователями стали понимать научное направление, складывающееся во второй половине XX в. в результате интеграции археологических и этнографических исследований и призванное решить круг проблем по истории культуры и общества особым способом – на основе сопряжения археологического и этнографического видения проблем.

Объем взаимодействия и взаимопонимания археологии и этнографии в деле реконструкции и конструирования социокультурных комплексов археологического прошлого и их отдельных составных, в деле изучения этих комплексов и процессов их формирования и функционирования оказался очень большим. Поэтому встал вопрос о качественно новом сближении этих наук на уровне интеграции и появлении нового этноархеологического научного направления.

Наконец, с 1993 г. на комплексной базе – Омского филиала Объединенного института истории, филологии и философии Сибирского отделения Российской академии наук, ряда кафедр Омского государственного университета и Сибирского филиала Российского института культурологии – начинает работу поисковая научно-исследовательская группа (руководитель Николай Аркадьевич Томилов). Ее стратегическая задача – формирование этноархеологии как научного направления: разработка проблем интеграции археологии и этнографии, моделирование социокультурных этнографо-археологических комплексов, историография археолого-этнографических направлений в отечественной науке и др. Стремясь к предельно возможной концентрации интеллектуального потенциала, группа с 1993 г. проводит все-российские, а с 1998 г. международные научные семинары по проблеме "Интеграция археологических и этнографических исследований" и

издает серию сборников научных трудов под этим же названием. При этом семинары организуются в различных городах страны (от С.-Петербурга до Владивостока) и в том числе в рамках крупномасштабных научных мероприятий – таких, как Конгресс этнографов и антропологов России, Северный археологический конгресс, Всероссийская конференция "Археологические микрорайоны Западной Сибири". С 1996 г. группа издает академический научный альманах "Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума". В Омском государственном университете сотрудниками группы читается курс "Введение в этноархеологию".

В области методики омские этноархеологи разработали целый ряд программ по сбору археологических и этнографических материалов во время экспедиций и студенческих полевых практик. Это программы по методическим рекомендациям по ведению полевой документации на раскопках памятников русских (Л.В. Татаурова), по хозяйственным занятиям (А.Г. Селезнев, С.Ф. Татауров, Н.А. Томилов), по землепользованию и путям сообщения (М.А. Корусенко, С.Ф. Татауров), по изучению гончарства, применению посуды (Л.В. Татаурова), погребальному обряду русских (К.Н. Тихомиров, Д.В. Сорокумов), историческим легендам и преданиям тюркских народов (Б.В. Мельников, А.Г. Селезнев), народным занятиям (Н.А. Томилов, Л.М. Кадырова, С.Ф. Татауров, С.С. Тихонов) и др. Итогом работы стал сборник вопросников и программ по этноархеологии и этнографии, вышедший в печати в 2002 г. Но впереди решение основных проблем в области источников и методики, связанных с разрешением вопроса об этноархеологическом источнике и методах интеграции археологических и этнографических материалов и интерпретаций.

Как следствие развития этноархеологических работ в России уже состоялись первые защиты не только дипломов, но и кандидатских диссертаций по темам этноархеологии. Кроме того, в различных научных центрах стали оформляться группы исследователей, целенаправленно занимающихся этноархеологической проблематикой. В Западной Сибири эти группы уже сложились или складываются в таких городах, как Барнаул, Кемерово, Курган, Новосибирск, Омск, Сургут, Томск, Тюмень и некоторых других. Этноархеология как дисциплина, институтированная в отечественной научной структуре, переживает свое рождение и хочется верить, что ее ждет блестящее будущее.

Глава 3

МЕТОДИКА ЭТНОАРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

1. ИСТОКИ ФОРМИРОВАНИЯ АРХЕОЛОГО- ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ И ИХ МЕТОДОВ

Ни у кого не вызывает сомнения, что непрекращающийся процесс формирования новых направлений научных исследований, которые со временем становятся самостоятельными научными дисциплинами, набирает все большую и большую скорость. Чаще он происходит в сфере естественных наук, когда на стыке нескольких направлений исследований (или даже дисциплин, причем не всегда смежных) формируются новые отрасли знаний. Например, биофизика, изучающая физические и химические явления в живых организмах, структуру и свойства биополимеров, влияние физических факторов на живые системы. Из биофизики в свою очередь выделились радиобиология (изучает новые виды излучений и способы защиты живых организмов от излучений), биоэнергетика (занимается рассмотрением энергетических процессов в биосфере, а также механизмами и закономерностями преобразования энергии в живых организмах), фотобиология (анализирует воздействие света на организм). Можно вспомнить и биохимию, занимающуюся функциями, превращениями, распространением химических веществ и их структурой в организме. Она разделилась на молекулярную биологию (занимающуюся свойствами жизни на молекулярном уровне) и на биоорганическую химию (изучает связи между строением веществ и их биологическими функциями). На основе молекулярной биологии развивается молекулярная генетика, ставящая целью изучить молекулярные основы наследственности. Биохимию и биофизику объединяют в физико-биологическую химию. Мощный цикл дисциплин включает в себя геохимию: аналитическая, физическая, региональная геохимии, гидрогеохимия, радиогеохимия, геохимия литосферы, геохимия процессов и т. д.

В настоящее время изучением всех вышеперечисленных дисциплин занимаются крупные институты с солидным штатом сотрудников, с неплохой материальной базой, выпускающие собственные журналы с довольно большими тиражами.

Журналы по естественным наукам*

Наименование издания	Год начала выхода в свет	Периодичность (номеров в год)	Тираж (экз)
Биофизика	1956	6	1800
Биохимия	1967	12	2600
Геохимия	1956	8	1300
Молекулярная биология	1967	6	1400
Радиобиология	1961	6	1350

Если проанализировать процесс развития науки, то можно увидеть, что он в XX – начале XXI в. ведет как к дифференциации наук и направлений, к углубленному изучению отдельных феноменов и явлений, так и к их интеграции, когда, объединяя ресурсы и методики разных наук, можно получить принципиально новые знания. Вероятно, дело здесь в способностях отдельного человека, занимающегося решением проблемы. Его мозг способен охватить лишь мизерную долю современных знаний. Углубленное исследование в избранной области ведет сначала к некоторому обособлению методик, а затем к дифференциации направления исследований.

Например, изучение древней керамики все более и более связано с применением методик естественных наук: рентгенографии, петрографии, термолюминисценции и т. д. – настолько специфично, что бывает нужно проходить специальную подготовку для того, чтобы вести квалифицированный диалог с коллегой и немногие археологи пытаются полностью понять все тонкости данного типа источников. Очень специфично изучение каменных орудий, предполагающее умение отлично разбираться в технологии их изготовления и применения, а также использовать трассологию, петрографию и другие методы.

С другой стороны, дифференциация заставляет применять приемы и методы смежных наук и ведет к их интеграции и формированию новых научных дисциплин. В результате такого развития от-

* Данные на 1988 г. К сожалению, многие академические институты в последнее десятилетие были вынуждены значительно уменьшить объем работ, что следует рассматривать, в лучшем случае, как кризис науки.

дельным ученым и научным коллективам удалось достичь великодушных результатов мирового уровня. Может быть, именно эти процессы и породили мнение о том, что открытия делают на стыке наук. Это верное положение никто и никогда не оспаривал, что неудивительно. Поразительно другое: почему, обладая готовым рецептом совершения открытий, заключающемся в интеграции несколько дисциплин и ведении работ на стыке наук, исследователи, по крайней мере, специалисты по гуманитарным дисциплинам, нечасто пользуются им. Алгоритм известен: углубленный интерес ученых к проблеме, создание групп единомышленников, затем лаборатории, сектора, института, выпуск печатного издания и т. д. Но... известные нам опыты интеграции двух наук, скажем, археологии и этнографии (например работы в Хорезме, Туве, Южной Туркмении), до сих пор не завершены или в полном объеме еще продолжаются.

Может быть, правы те, кто указывает на отсутствие специализированной финансовой поддержки и равнодушие крупных организаторов науки, о которое разбивается энтузиазм разрозненных ученых и научных коллективов? Хотя всем ясно, что на стыке наук находятся важнейшие открытия, имеющие громадное теоретическое, методологическое, эвристическое значения.

Поскольку мы намерены заняться рассмотрением проблем интеграции археологии и этнографии, то целесообразно вспомнить, что эти две науки всегда были тесно связаны. Первое, что приходит на ум при изучении археологического феномена, – его этнографическая аналогия, а этнографы в археологическом материале пытаются увидеть древние корни явления.

В рамках только одной научной дисциплины (археологии, этнографии, нумизматики и т. д.) не всегда можно исследовать какую-нибудь проблему, поскольку предмет исследования, методы, источники иногда имеют специфические отличия и не все ученые могут свободно ими пользоваться. Очевидно, именно для преодоления этого препятствия часть исследователей стремится вести работы на стыке наук, создавая новые научные дисциплины.

Вероятно, осознанное или неосознанное стремление археологов и этнографов лучше познать генезис древнейших явлений культуры человека заставляет их обращаться к материалам и методам смежных наук.

Не вдаваясь пока в историю этой важной и интересной проблемы, отметим, что в любой момент развития археологии и этнографии всегда имелись попытки их интеграции. В настоящее время наблюдается некоторая активизация совместных археолого-этнографических исследований, которые ведут отечественные и зарубежные ученые.

Можно выделить, несколько направлений таких работ, хотя в некоторых случаях граница между ними достаточно условна, а исследователи могут работать по разным методикам. Формирование каждой из них - особый научный процесс, который заслуживает специального исследования. Однако вопросы истории развития науки по праву считаются одними из самых сложных тем научных исследований. Изучение истории интеграции двух дисциплин, пусть даже смежных, сложнее вдвойне. Поэтому перед рассмотрением особенностей направлений археолого-этнографической интеграции ограничимся только кратким упоминанием основных вех интеграции археологии и этнографии.

Мореплаватели, путешественники, авантюристы, начиная с эпохи Великих географических открытий, проникают в страны, не тронутые европейской цивилизацией: Америку, Африку, Австралию и Океанию. Их взору представляли и дикари, пользующиеся каменными и костяными орудиями, и аборигены, умеющие изготавливать медные и железные оружие и орудия труда, украшения, знающие земледелие и скотоводство. Но более всего их поражали жители гигантских империй, поклоняющиеся непонятным божествам, требующим человеческих жертв. Неведомые европейцам мастера изготавливали чудесные изделия из драгоценных металлов, камней и раковин. Социальная структура людей была сложна и не всегда понятна европейцам.

В XVIII в. великие мыслители эпохи просвещения попытались упорядочить эту пеструю картину человеческого развития. Они расположили общества по восходящей от простых к развитым, выделяя эпохи дикости, варварства с этапами ранним, развитым, поздним или аналогичными им. Эта концепция существовала и была развита в XIX в. и даже вошла в систему марксистских представлений.

Науки, связанные с изучением первобытных людей, имели очень много общего и, скорее всего, не были слишком дифференцированы. Ученые занимались изучением приблизительно одинакового общества, правда, по разным материалам; количество данных по древним периодам развития человека было невелико, и исследователи великолепно знали и древности, и этнографию, кроме того, они ориентировались в геологии, биологии и других естественных науках.

В начале XIX в. наука о древностях только делала свои первые шаги. Были раскопаны относительно немногочисленные памятники некоторых эпох, и началась дифференциация направлений археологических исследований. Формируется археология, связанная с изучением античных государств - Рима и Греции. Ученые, работавшие в этой области науки, исследуя остатки древних городов, соотносили материалы с многочисленными письменными источниками и никогда не

обращались к данным этнографии. Вероятно, это было следствием евроцентризма, мнения о превосходстве цивилизованных европейцев перед варварами, дикарями, туземцами, которые даже тысячелетия спустя после гибели великих античных государств не смогли сравниться с ними, точнее, подняться до их уровня.

Первобытная археология – второе направление развития науки – больше была связана с поисками древнейших предков человека – допотопного человека, троглодита и с изучением древних жителей Европы – кельтов, германцев и их предков. Эти ученые работали в областях, не затронутых или малотронутых античной цивилизацией: Центральной и Северной Европе. Они, особенно изучающие древнейшее прошлое человечества, неплохо разбирались в геологии.

Начиная со второй половины XIX в. количество материалов о ранних этапах развития человечества стремительно растет. Их становится столько, что уже не всегда возможно на высочайшем уровне оперировать данными нескольких наук. Наступает время специализации, деления на порции, которые может усвоить мозг человека. Окончательно оформляется направление исследований "современного первобытного человека", связанное с поездками в не тронутые европейской цивилизацией страны (например Н.Н. Миклухо-Маклай, Б. Малиновский) и изучением первобытного человека по материалам раскопок (в основном в европейских странах). Стадиально уровни развития примерно совпадали.

В этот период интересна двоякость процесса. С одной стороны, дифференциация наук: развитие многих направлений археологии и этнографии, не связанных между собой; с другой – интеграция: появление дисциплин, требующих тесного взаимодействия археологов и этнографов (экспериментальная археология, этнография).

Первая мировая война и следующий за ней октябрьский переворот нарушили в России плавный ход развития науки. На одной шестой части суши стала господствовать идеология марксизма, а археология и этнография стали весьма политизированы. Страницы газет и журналов заполняет информация об идеологических диверсиях, происках врагов, на них появляются призывы сплотиться, не уступить, отстоять и т. д. Некоторые статьи больше напоминали сводки военных действий. Так или иначе в стране победившего рабочего класса марксизм распространился повсюду, а многие исследователи первобытного общества, археологии, этнографии вынуждены были уехать за границу или были репрессированы.

Наука становится политизированной. Социальный, а лучше сказать официальный, заказ – показ преимуществ социализма, сравне-

ние социалистических народов и их предков Отсюда и развитие этногенетических исследований народов Севера, Сибири, Средней Азии, Дальнего Востока Культурологические исследования, развитие типологии и классификации являлись наименее политизированными и в конце концов стали преобладающими среди археологических работ Этнографам считалось важным показать особенности развития наций, народов и народностей для того, чтобы разработать механизмы их безболезненного вхождения в братскую семью социалистических наций Ни в коей мере не умаляем заслуг отечественных археологов, сумевших в те годы провести широкомасштабные работы и изучить археологические памятники в Средней Азии, Казахстане, Сибири и г д , разработать интересные методики раскопок (например изучение памятников на широкой площади) Итогом работ археологов стал макет тома "Истории СССР" Вторая мировая война помешала закончить работы над этим коллективным трудом, и он вышел в свет после ее окончания в виде первых книг многотомного издания "Очерки по истории СССР" Однако работы по интеграции археологии и этнографии практически не велись То же относится и к разработкам в области исследований социальных, демографических, экономических и прочих структур древних и средневековых обществ

После Великой Отечественной войны в 1950–1960-е гг работали крупные археолого-этнографические экспедиции Хорезмская, Тувинская, Саянская, в составе которых десятки исследователей, занимающихся изучением культуры народов на сравнительно ограниченной территории, но уходящие далеко в прошлое Однако, несмотря на название "археолого-этнографическая ", это были экспедиции, где ученые работали чаще всего параллельно Следует отметить, что некоторые ученые (В П Дьяконова, Б И Вайнберг, С И Вайнштейн и др) занимались изучением поздних археологических памятников и сравнением полученного материала с этнографическими данными, тем самым закладывая основы интеграции археологии и этнографии С А Семенов завершает разработку трассологического метода, изучая следы сработанности на древних орудиях труда, по которым он определял, что делали этим орудием Он и его сотрудники создавали реплики древних орудий труда, работали ими, что шло в русле экспериментальной археологии

В 1960–1970-е гг в среде англоязычных археологов развивается научное направление, называемое "новая археология" Она была связана с изучением современных стоянок аборигенов и экстраполяции полученных материалов на древние стоянки человека В результате можно было вносить существенные коррективы в археологические

данные. Трассологический метод завоевывает мировое признание и широко распространяется. Ученые многих стран мира интенсивно занимаются экспериментальной археологией, сооружая гигантские конструкции, сжигая экспериментальные дома, живя в селениях жизнью человека эпохи бронзы или железа

В конце 1970-х гг. начинается виток интеграции археологии и этнографии в среде отечественных ученых. В Москве в Институте этнографии АН СССР работает группа этноархеологии, занимающаяся еще со времен Хорезмской комплексной экспедиции изучением памятников джетыясарской и чирикрабодской археологических культур и их этнической интерпретацией. В Томске, в Проблемной научно-исследовательской лаборатории и в Музее археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета, ученые начинают проводить археолого-этнографические совещания и разрабатывать методику комплексных археолого-этнографических работ. В Тобольске в 1980-х гг. работает группа археологов-экспериментаторов, а небольшие эксперименты ученые других городов проводят по всей стране.

Обращение к проблеме археолого-этнографической интеграции в XX в. на сибирской почве более чем уместно (о чем речь шла выше): ведь Сибирь принадлежит к числу регионов, где археологические и этнографические материалы тесно смыкаются, причем не только территориально, но и хронологически. В целом, археолого-этнографическая интеграция у нас в России – объективная исследовательская потребность, которая вытекает из специфики источниковой базы и, что следует особо подчеркнуть, не зависит от уровня развития науки. Причем потребность эта актуальна как в этноархеологическом аспекте (т. е. при изучении этнографического материала методами археологии и наоборот), так и в аспекте палеоэтнографическом (т. е. при изучении археологического, этнографического и иных материалов этносов древности, средневековья и отчасти нового времени методами этнографии). Этнография невозможна без археологии – впрочем, точно так же и археология невозможна без этнографии.

Современные археология и этнография изучают настолько многообразные проявления человеческой культуры, что специалисты даже одной науки не всегда могут понять все тонкости работ друг друга. Очень специфичны исследования палеолита, особенно нижнего. Некоторые работы по изучению керамики, металлургии, каменного инвентаря с привлечением методов естественных наук настолько глубоки, что для исследований требуют обширных знаний. Наука этнография, поскольку имеет дело с живой культурой, намного разнообразней. Детальное изучение любого направления этой науки позволяет так полно

изучить какой-нибудь феномен или элемент культуры, что исследователь, сделавший это, оказывается порой почти единственным специалистом, квалифицированно занимающимся данной проблемой.

Все это – результат дифференциации науки о первобытности и о древнем человеке, начавшейся в конце XIX – начале XX вв. Глубоким прошлым человека занимались биологи, антропологи, геологи, археологи. Но существовала одна особенность познания. Лучшие научные силы были сосредоточены в европейских странах. Для того чтобы совершить "путешествие" в прошлое, исследователь мог провести раскопки, но он мог, покинув Европу, побывать в Австралии, Океании, Африке, некоторых других районах Америки, где люди жили жизнью "троглодитов" Европы. Материалы, собранные в далеких экспедициях и полученные при раскопках стоянок и поселений на территории европейских стран, иллюстрировали жизнь человека на одинаковых этапах его развития, допустим, неолита, бронзового века или другого периода. Но для получения информации были использованы разные методы: для этнографических работ было характерно наблюдение, работа с информаторами и т. д., археологические материалы добывали при раскопках, затем наступал черед дагировки, классификации и типологии, реконструкций, интерпретаций.

Для развития науки о первобытности, по крайней мере, на ее начальных этапах данная особенность большой роли не играла. Количество данных было относительно невелико, число ученых – тоже, они успевали и ознакомиться с работами соотечественников и иностранных коллег, и поработать в экспедициях, и обменяться мнениями по разным проблемам науки в печати, на конгрессах, симпозиумах и т. д. Основоположников науки о прошлом человека можно назвать или "изначально интегрированными", или "недифференцированными", учеными. Другое дело – следующее поколение исследователей. Они проходили подготовку у своих великих учителей, но специализировались в той области и по тем методикам исследований, где учителя были признанными авторитетами. В результате специализация по археологии и этнографии стала глубже. Вероятно, так начался процесс дифференциации науки о первобытности по методикам исследования и предметным областям.

С течением времени проблематика исследований становилась все больше и больше, ученые совершенствовали старые и разрабатывали новые методы исследований, количество материалов с каждым годом росло в гигантских масштабах, и началась дальнейшая дифференциация исследователей. Кто-то становился признанным исследователем определенной территории (Сибири, Дальнего Востока, европейской части Рос-

сии, Кавказа, Средней Азии и т. д.). Кто-то специализировался по какой-либо эпохе (палеолиту, раннему железному веку, средневековью и т. д.), а кто-то – по проблематике (керамическое производство, оружеведение, земледелие, скотоводство и т. д.). Дальнейший процесс специализации предполагает более узкую специализацию: оружие средневекового населения Алтая, скотоводство неолитического населения Кавказа, т. е. налицо локализация исследований по территории, хронологии и проблематике. Такой же процесс идет и в этнографии. Но там проблематика значительно шире: конфликтология, современные этнические процессы, этносоциология, этническая экология, гендерные исследования, адаптация в инокультурных средах, этнопедагогика и исследования детства плюс материальная, духовная, соционормативная культуры традиционных и индустриальных обществ и т. д. Две науки в наши дни обладают очень сложной структурой, а взаимосвязь направлений исследований не всегда ясна.

Вышеизложенный процесс дифференциации науки о первобытности мы не намеревались соотносить со временем, пространством и персоналиями и рассматриваем как предварительные замечания перед изложением сути основных направлений интеграции археологии и этнографии. Не следует этот процесс рассматривать как присущий только этим двум наукам. Среди естественных наук имеются сформировавшиеся на основе нескольких, не всегда смежных, дисциплин: биофизика, радиобиология, генетическая инженерия, геохимия и другие. Вероятно, процесс развития наук двояк: с одной стороны – углубление исследований и дифференциация, с другой – объединение проблематик и интеграция.

В современной археологии и этнографии есть несколько направлений исследований, где возможен стык этих двух наук.

2. АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

Мы считаем, что это наиболее ранний и один из самых используемых методов реконструкции явлений прошлого или объяснения археологических и этнографических данных с помощью материалов смежной науки или исходя из понятий здравого смысла и опыта. Любой предмет, взятый человеком в руку, может быть сравним с известными артефактами.

Во времена появления метода аналогий знаний о древнейшем прошлом человечества не всегда хватало. Представим Европу в середине прошлого столетия. Немного времени прошло с тех пор, как

"громовые" камни признали древними орудиями, теорию эволюционного происхождения человека принимают не все, с трудом воспринимают сведения о допотопном возрасте человека. В споре о древнейших этапах человечества приняли участие многие ученые, связанные в основном с биологией, геологией, археологией, этнографией. Количество сведений было невелико, и ученые легко усваивали факты других дисциплин и глубже разрабатывали направления своей специализации.

В третьей четверти XIX в. многие ученые и представители "передовой общественной мысли" приняли идеи о древности человека, и можно было углублять знания о его древнейшей культуре. Но существовала одна особенность мировоззрения европейцев. В течение многих столетий Европа была одной из самых развитых территорий земного шара. В эпоху Великих географических открытий европейцы нигде не встретили более развитого технически и экономически общества. Наоборот, они встречали людей с менее развитым хозяйством, инвентарем и общественным устройством. Какую-то часть их материальной культуры можно было сопоставлять с древними (и даже древнейшими) находками из Европы.

Исторически сложилось, что первые этнографы вели свои полевые работы, связанные со многими опасностями и трудностями, вдали от цивилизованных стран. Например, Н. Н. Миклухо-Маклай, Б. Малиновский, Л. Г. Морган также опирались на данные, собранные в Океании, Америке, но не в современной им Европе. И везде ученые находили доказательства того, что люди, живущие на периферии цивилизованных земель, находятся на более низком уровне развития. Этому уровню соответствовали археологические материалы, которые получали преимущественно в европейских странах.

Вероятно, разная основная специализация ученых (биология, геология, археология, этнография), занимающихся древними этапами развития человечества, неравномерность развития обществ и сходства материальных остатков культуры древних обществ Европы с современными вещами народов Америки, Африки, Австралии привели к тому, что сейчас называется методом археолого-этнографических сопоставлений или аналогий. Его основная цель – объяснение археологического материала с помощью этнографических параллелей, определения древности этнографических данных (явлений, обычаев) с использованием материалов прошлого. Метод сохранился до наших дней.

Приведем несколько примеров. М. А. Итина обратила внимание на то, что в эпоху бронзы на территории Южного Зауралья, Поволжья, Средней Азии встречаются сосуды, преднамеренно закопанные вверх дном. Обстоятельства находок не давали однозначного толкования.

этим артефактом. Бесспорно было лишь то, что это следы обряда, проводившегося на могильниках и поселениях. Аналогии древнему обряду исследовательница обнаружила только в Африке, где в некоторых районах в случае смерти близнецов или маленьких детей при их похоронах ставили горшок вниз горлом, а детей помещали в горшок.

Другой пример Б.А. Литвинский, исследуя циклы древнейших верований населения Памира и пытаясь понять их семантику, обращается к древним материалам индоиранцев. Культ огня в брачном обряде, обычай двух имен, представления о матери-земле, о коровах в виде дождевых облаков, пэри и дэвах, албасты и т.д. имели широкое распространение, но полнее всего сохранились на Памире, где население более изолировано. Истоки всех обрядов и обычаев он находит в древних материалах начиная с III тыс. до н.э., но более всего в данных о масагетах.

У таджиков сохранился целый цикл обрядов, связанных с первыми сорока днями жизни ребенка. Это и первое купание, и смена одежды, и мытье головы матери, и наречение имени и т.д. Рассмотрев аналогии, в том числе и древние, Л.А. Чвырь приходит к выводу, что данный обряд зародился в древневосточных странах.

Во втором Пазырыкском кургане был захоронен человек, которого убили, а затем сняли скальп. На коже умершего была татуировка. С.И. Руденко, пытаясь определить социальный статус умершего, во-первых, показал, что обычай татуировки, судя по античным источникам, был широко распространен, во-вторых, по данным этнографии, татуировали храбрейших. Следовательно, статус убитого можно определить как смелого человека, вождя, убитого в бою.

Объясняя семантику петроглифов Мугур-Саргола, М.А. Дэвлет обращается к этнографии тувинцев, индейцев северо-западного побережья Северной Америки, приводит примеры из этнографии австралийских аборигенов и делает интересные выводы о почитании древним населением Верхнего Енисея небесных светил, рассматривает некоторые проблемы его космогонических представлений и т.д. К этнографическим аналогиям обращается и Т.Н. Троицкая, реконструируя некоторые аспекты истории населения новосибирского Приобья в III–II вв. до н.э. – III в. н.э. касающиеся земледелия, социального положения погребенных, верований населения и т.д. Великолепные аналоги для галек с антропоморфными изображениями, происходящих с поселения позднеронзового века Торгажак, подобрал Д.Г. Савинов. Для этого ему пришлось обратиться к этнографии северных самодийцев.

Примеры можно продолжать, но они слишком многочисленны и широко известны. Так, считалось правильным соотносить уровень раз-

визия тасманийцев с уровнем населения эпохи верхнего палеолита; австралийцев, ведов, яо сравнивали с мезолитическим населением. Аналогии палеолитическим охотникам Восточной Европы находили среди населения Чукотки и Аляски. Так, С.Н. Бибииков, приводя палеоэкономический анализ Мезинской стоянки, Костенок, Радомышля, в основу кладет количество очагов, а затем определяет размер семьи и коллектива. Все это он делает, опираясь на данные М.М. Герасимова и этнографию северных народов. А расчет количества необходимых продуктов проводит с учетом норм потребления мяса и жира чукчами и эскимосами. Ученые, занимающиеся проблемами экономики эпохи неолита и энеолита, в качестве аналогов при расчете экономического потенциала древних жителей могли избрать русских крестьян XVII в., иранцев начала XX в., жителей древнего Востока.

Суть метода ясна. Есть археологический феномен, который необходимо объяснить. Для этого необходимо подобрать аналогию, что совершенно естественно вытекает из особенностей человеческого мышления. Неизвестное нужно сравнить с известным и подобрать подходящее объяснение. Этот метод находит широкое применение и имеется в исследовательском аппарате многих ученых. При всех его достоинствах (легкость применения, возможность получить более полные представления об изучаемом феномене) метод имеет и недостатки. Строго говоря, аналогия не является доказательством, в лучшем случае это подкрепление предположения или его иллюстрация.

Налицо развитие методики. Если в начале века достаточно было привести любую аналогию и строго не требовалось обоснования ее привлечения, то в наши дни нужно, во-первых, обосновать выбор аналога, во-вторых, тщательно подобрать территорию и время его происхождения. Некоторое несовершенство привлечения широких аналогий очевидно. Для более корректного их применения, в идеале, нужны не тронутые цивилизацией территории и большая глубина памяти ее обитателей, но такое сочетание в наши дни редкость.

Очевидно, что метод археолого-этнографических аналогий находит широкое применение и имеется в исследовательском аппарате каждого исследователя. При всех достоинствах (легкость и универсальность применения, возможность получить более полные представления об изучаемом феномене) этот метод имеет и недостатки. Скажем, аналогия не является доказательством, а лишь иллюстрирует что-то. Допустим, одинаковое устройство крыши в традиционных японских домах и кровли в некоторых районах Германии нельзя объяснить этническими, культурными или еще какими-то контактами. Это всего лишь реакция населения на снежные зимы, когда для сохранения

кровли необходимо было делать крутой скат. То есть это всего лишь внешнее сходство.

Возможно, что Восточная Европа в ледниковый период и современная циркумполярная зона имели одинаковые природно-климатические условия и сравнение культуры их населения корректно. Но, говоря о нормах потребления, следует помнить, что полярные жители часто употребляют сырую или полусырую пищу, причем не всегда ее тщательно пережевывают. Это связано с большей калорийностью мяса и жира при короткой термической обработке. А необходимость получать больше калорий связана с небольшим количеством пригодной для питания биомассы. В эпоху верхнего палеолита, судя по раскопкам, был настоящий охотничий рай. Известны следы массовых охот, когда десятки и сотни убитых животных не использовали. Встает вопрос, а надо ли было палеолитическим охотникам экономить пищу и есть ее сырой? При термической обработке расход пищи будет больше, и надо это учитывать при реконструкциях.

Ученые давно отметили некоторое несовершенство метода аналогий и стараются находить не широкие, а узкие аналоги. Сейчас никто не сопоставляет народ яо с населением мезолита Европы, но эвенков Восточной Сибири можно сравнивать с жителями этого же региона эпохи неолита (серовская, китойская археологические культуры). В идеале нужны не тронутые цивилизацией территории и большая глубина памяти ее обитателей. Такое сочетание в наши дни редкость. Поэтому проводить аналогии между отстоящими на тысячелетия друг от друга обществами не всегда целесообразно. Может быть, есть смысл ограничиться несколькими столетиями?

3. ИССЛЕДОВАНИЕ УНИВЕРСАЛИЙ

Данную методику можно рассматривать как вариант методики археолого-этнографических сопоставлений, ограниченной предметной областью. Это вызвано необходимостью решения проблем, связанных с привлечением большого количества источников, происходящих с разных территорий земного шара. Речь, прежде всего, идет о феноменах культуры, имеющих широкое распространение. Представляется, что наиболее универсальными феноменами являются система путей сообщения, система расселения, нормы потребления продуктов, демографическая структура. Остановимся на них подробнее.

Система путей сообщения, или просто дороги, – неотъемлемый элемент человеческой культуры. Возникнув в глубокой древности, они до сих пор нужны для передвижения, перевозок грузов и т. д.

Дорогу прокладывали в наиболее удобных для передвижения местах (допустим, по водоразделам, как в Восточной Европе) Она должна была выходить к удобным местам для перехода через реки (пологий берег, небольшая глубина, медленное течение, твердое дно), горы (удобные перевалы, проходимые долины), болота (небольшая глубина, острова в болоте, постоянные ориентиры) и т. д. На пути должны быть места укрытия от врагов, пастбища для вьючных, верховых и тягловых животных, источники воды. Дорога должна проходить вблизи торговых центров и, наоборот, обходить зимние пастбища скотоводов. То есть для того чтобы путешествие не превратилось в изощренный способ самоубийства, нужно правильно выбрать удобный и подходящий путь. Общеизвестны записки многочисленных путешественников XVIII–XIX вв., когда, не зная дорог, они вынуждены были бродить по бесплодным территориям, теряя лишения и страдания от недостатка пищи, плохой воды, гнуса, в то время как аборигены свободно передвигались на местности и не испытывали никаких затруднений. Нетрудно понять, что прокладывание дороги требует знания местности и проверки временем. "Сталинка" – железная дорога по тундре – не была до конца построена при жизни Сталина, и сейчас вопрос о продолжении строительства никто не рассматривает из-за ее ненужности и отсутствия экономической выгоды. БАМ – великую стройку века – тоже используют не слишком интенсивно, и он приносит убытки.

В то же время до сих пор используют дороги, проложенные древними инками, в наши дни не утратили своего значения дороги, построенные римлянами, сохранились "дороги великанов" в Финляндии – тропы через болота с древними гатями. Вероятно, большое количество дорог имеет древнее происхождение.

Удобство передвижения – необходимое условие. Много раз во время проведения археологических раскопок на территории Омской области мы убеждались, что, несмотря на кажущуюся близость пунктов и возможность пройти по прямой между ними, путь по дороге, даже в обход, был всегда легче и быстрее, чем по прямой. Работы в бассейне р. Тары и на Иртыше позволили выяснить некоторые закономерности прокладывания дорог. Самые старые из них были проложены по первым надпойменным террасам Тары и Иртыша. Если путь пересекает лесные массивы, то он выходит местами переходов через подтеррасные окуневские болота, являющиеся от д. Окунево до д. Артын Муромцевского района Омской области на расстояние около 50 км. Многие участки дорог, проходящие через топкие места, обустроены и имеют гати или мостики. Работы С. Ф. Татаурова и М. А. Корусенко в этом же районе свидетельствуют, что значение

дорог может изменяться из-за переориентации жителей на другие занятия или на другие населенные пункты

Прокладывание дорог в степи и лесостепи связано не только с удобством передвижения, но и с источниками воды и с сохранением зимних пастбищ. Этому идеально соответствует Трансибирская магистраль. Она не проходит по зимникам аборигенов, через примерно равные промежутки были устроены станции для заправки паровозов водой, мосты через реки построены в очень удобных местах. По всем показателям эта магистраль проложена с учетом скотопробных путей, когда надо было через 20–30 км поить скот (соответствует расстоянию между станциями), пересекает реку в удобных для переправы местах (соответствует местам расположения мостов). Примерно по этой же трассе (или близко к ней) проходила миграция сеймино-турбинских групп в эпоху бронзы.

Таким образом, изучение дорог позволяет детально изучать некоторые аспекты взаимосвязей древних, средневековых и современных жителей и возможно на широком круге археологических, этнографических, нисьменных, картографических источников.

Система расселения на какой-нибудь территории складывается с момента ее первоначального освоения и сохраняет свои освоенные черты на протяжении многих столетий и даже тысячелетий.

В Западной Сибири не слишком много удобных территорий для расселения и ведения хозяйства. Наиболее благоприятна для этого пойма больших рек – Иртыша, Оби, Тобола, Ишима – и близлежащие участки первых надпойменных террас. Может быть, следует рассматривать эту территорию как внеландшафтную природно-географическую зону с такими основными характеристиками: регулярное затопление низких пойм и периодически высоких, особый тип почв и растительности, своеобразный биоценоз, наличие озер и богатого травостоя, обрамление этой зоны ленточными борами. Если рассматривать поймы именно так, то условие проживания населения в пойме таежной и лесостепной будут абсолютно одинаковы.

Анализ распространения археологических памятников всех эпох в Западной Сибири показывает, что большинство их расположено именно в пойме большой реки или близ ее.

Глубинные таежные районы освоены были очень слабо, то же можно сказать и о глубинных лесостепных или степных районах при условии оседлого образа жизни. Если рассматривать этнографические и архивные материалы, то картина повторяется. Большинство аборигенов жили в удобных поймах и не желали уходить глубоко в тайгу при приходе русских, претендовавших на эти же поймы. Широкое освое-

ние глубинных районов тайги началось при массовом переселении народов России в Сибирь в XIX в и позднее. Достаточно посмотреть списки населенных мест Тобольской и Томской губерний дореволюционного времени, а также Западно-Сибирского края. Ясно видно, что мелкие таежные речки были заселены после второй половины XIX в, чаще в начале XX в. Причем поселки были хуторного типа, количество хозяев редко больше 2, чаще – 1. Большинство из них в настоящее время прекратили свое существование.

Очевидно, есть закономерности освоения горных местностей, когда одну долину заселяют родственные группы, семьи и т. д. Совместные археологические и этнографические исследования системы расселения смогут помочь в анализе экономики, экологии, взаимосвязей населения разных территорий, и это направление перспективно.

Знание *нормы потребления продуктов* имеет большое значение при разного рода палеоэкономических, палеоэкологических и палеосоциологических реконструкциях. Ученые не всегда могут по данным раскопок восстановить количество производимого продукта, размер и структуру стада, численность общины и т. д. Но при проведении разного рода построений важную роль играет количество съеденной пищи. Данные, собранные в разных местах и в разное время, позволяют утверждать, что для нормальной жизнедеятельности человека в средних и высоких широтах и умеренном и приполярном климатах нужно 2800–3000 ккал в день на взрослого мужчину. Это цифра получается при сложении калорий, содержащихся в продуктах потребления русскими, хангами, саамами, коми.

Речь идет о среднем потреблении продуктов. Разумеется, в праздничные дни их расход больше, но в целом потребление продуктов – среднее – примерно одинаково. Следовательно, можно, зная численность населения в древности, установить верхнюю и нижнюю нормы расходования продуктов и анализировать, сколько нужно было аборигенам мяса, рыбы и другой пищи для проживания и за какое время ее можно было добыть. Здесь расчеты связаны со знанием средней плотности промысловых животных и рыб на единицу территории. Имеется большое количество данных об этом.

Важно изучать и структуру питания. В сферу внимания ученых чаще всего попадает мясная, рыбная или растительная пища. Но данные одонтологии и изучение зубной эмали и костей конечностей показывает, что в некоторых обществах в эпоху неолита-энеолита в Верхнем Поволжье структура питания мужчин и женщин несколько отличается друг от друга: женщина употребляет больше рыбы, а

мужчина – мяса В детстве те и другие испытывали стресс из-за того, что часто голодали

Таким образом, зная структуру питания, а также нормы потребления продуктов, используя материалы археологии и этнографии, можно существенно углубить представление об экономике и экологии древних и средневековых обществ

Демографическая структура – важный показатель развития общества В нормальных условиях соотношение мужчин и женщин, женщин и детей, детей и взрослых, людей возрастных категорий *adultus, matronis, senilis* примерно одинаково для всех обществ Проведение работы по изучению демографических показателей древних, средневековых и современных традиционных обществ позволяет заключить, что на 100 женщин приходится 108–115 мужчин, на каждую взрослую женщину приходится минимум 2 живых ребенка Из 100 детей в возрасте до года умирает около 50 %, половина от оставшихся в живых умирает в возрасте до 7 лет В обществе имеется около 10 % людей старше 50 лет и т.д. Это достаточно известные факты

Как только ситуация становится ненормальной из-за войн или эпидемий, ситуация резко меняется Например, после эпидемий начала 1860-х гг. на Сузунском и Павловском заводах (современная территория Алтайского края) резко увеличилась смертность детей (до 90 %) После Гражданской войны во многих селах Западно-Сибирского края численно преобладали женщины и дети В материалах Быстровского могильника (исследования А.П. Бородавского) в гуннское время увеличивается смертность населения, скелеты имеют следы травм, а некоторые городища этого времени – следы огня Это связано с гуннским нашествием То же наблюдается и в монгольское время на Руси

Половозрастная структура древнего человека оставалась примерно одинаковой до XVIII в., после чего наблюдается увеличение продолжительности жизни и уменьшение смертности детей

Таким образом, очевидно, что знание универсальных, а может быть, и глобальных аспектов развития человека дополнит наши представления о древних обществах и позволит более корректно использовать археологические и этнографические материалы

4. ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ АРХЕОЛОГИЯ

Современные ученые, работающие на стыке археологии и этнографии, используют тонкие, точные и трудоемкие методики, одна из которых – экспериментальная археология – направление, связанное с

изучением изменений объекта или вещи с течением времени, создание реплик древних орудий и объектов, работы ими и использование полученных данных для исследования археологических материалов. Изучение древних техник и технологий проводится путем эксперимента и наблюдения за действием и состоянием реплик древних инструментов и современных объектов, аналогичным древним. Этому направлению посвящена монография Р. Малиновой и Я. Малиной "Прыжок в прошлое" (1989 г.), что избавляет нас от необходимости подробно описывать развитие этого направления.

Авторы этой монографии считают, что М. Меркати, старший куратор ботанических садов Ватикана (1541–1593), одним из первых понял, что предки европейцев находились когда-то на таком же уровне развития, как и аборигены Америки, Африки и Азии. В XVI в. собирая коллекции минералов, окаменелостей и других диковинных вещей, присланных из Америки, Африки, Азии в Ватикан моряками из Португалии, Испании и других стран, он обратил внимание на то, что орудия труда "диких" народов были похожи на древние, находящиеся в минералогической коллекции. Знания произведений великих мыслителей античности о трех веках, анализ коллекций каменных изделий древних и современных народов позволили М. Меркати сделать вывод о том, что первоначально человек был примитивным и пользовался каменными орудиями.

Но и десятки лет спустя многие верили, что каменные топоры и стрелы появляются с тех мест, где молния ударила в землю, что керамические сосуды в земле расгнут, как корнеплоды и т.д. Спор помог решить эксперимент Андреас Альберт Роде (1682–1724), сделав каменный топор, доказал, что каменные орудия производил человек. Якоб фон Меллен (1659–1743) поручил гончарам исследовать обработку поверхности керамики. Джон Лейланд (1506–1552), наблюдая за растительностью, установил, что она гуще там, где больше органики, т.е. в местах интенсивного хозяйствования и проживания человека. Коулт Хор (1758–1838) искал подземные полости, ударяя палкой о землю, т.е. заложил основы сейсмологии. Эти и многие другие факты об экспериментальной археологии собраны Р. Малиновой и Я. Малиной. Часть их приведена ниже.

С середины XIX в. эксперимент прочно входит в арсенал исследователей, занимавшихся изготовлением и применением древних орудий. В 1922 г. рождается новая форма эксперимента – восстановление в первоначальном виде поселений эпохи камня и бронзы на берегу Боденского озера (Швейцария). Польские археологи в 1930-х гг. восстанавливают городище эпохи железа, а затем начали имитиро-

вать хозяйственные процессы в древности и даже провели штурм городища В 1956 г в Польше впервые в мире сожгли модель древнего дома и снимали пожар на пленку В 1964 г в Лейре (Дания) построено экспериментальное село, обитатели которого жили, как люди железного века

В настоящее время экспериментальная археология – сложное научно-исследовательское направление, существует сеть учреждений, проводящих эксперименты, регулярно с 1976 г проходят симпозиумы, посвященные этой проблематике Число сайтов по данным проблемам, выставленных в сети Internet, перевалило за миллион Таким образом, эксперимент стал необходимой процедурой при изучении древних технологий и производств и надежным союзником исследователей

Объектом эксперимента являются, наверное, все возможные объекты, производства и процессы изготовления орудий и работа ими, строительство жилищ, укрепленных сооружений, погребальных комплексов, наблюдения за их функционированием, изготовление пищи, одежды, орудия труда и оружия, древние производства (горное, металлургическое, ткаческое, гончарное), способы передвижения на разных транспортных средствах и т д и т п Существуют целые поселки, построенные по методикам отдельных времен (неолита, бронзы, раннего железного века), в которых люди живут жизнью древних людей и пользуются репликами орудий того времени Материалы, полученные учеными, бесценны и позволяют понять многие факты древнейшего прошлого

Приведем несколько примеров удачного решения экспериментальных задач В Овертон-Дауне в графстве Уилтшир (Великобритания) построили копию древнего рва шириной 3 м, глубиной 1,5 м, вала длиной 21 м, высотой 2 м На валу и во рву положили вещи Раскопки частей объекта планируется проводить через 2, 4, 8, 16 и т д лет Последние раскопки будут осуществлены через 128 лет

На Северном Кавказе ученые из ветвей бука сплели чучело медведя, внутренности медведя заменил динамометр, который измерял силу удара камней Было установлено, что сила удара с расстояния 5–15 м была 8–28 кг при весе камней 0,5–3 кг, процент попаданий с силой удара 5–15 кг не превышал 50 Следовательно, с такой техникой охоты живогное нельзя было одолеть Удары камнем более пригодны для добывания животных Более того, при подвижной охоте нельзя было носить с собой постоянно запас камней Наоборот, работа с репликами копий и луков со стрелами показала, какое это эффективное и опасное оружие

В Бискупине (Польша) попытались взять штурмом городище эпохи раннего железного века. Три человека – защитника городища – за несколько минут обратили в бегство 11 штурмующих. В Ланте близ Ковентри (Великобритания) была построена часть крепости римского времени для определения скорости возведения подобных сооружений. В результате установлено, что вал за 9–12 дней могли возвести 200–300 человек при десятидневном рабочем дне. Одновременно была и определена численность гарнизона. Эти материалы послужили основой для изучения продолжительности строительства и численности гарнизонов других римских крепостей.

Эксперименты по земледелию (вспашка, посев, уборка урожая), проведенные во многих странах, позволили установить производительность труда и изучить наиболее удобные приемы работы. Экспериментаторы убедились, насколько трудными и долгими были работы.

В Сибири в этой области исследования проводят ученые из многих научных центров. Например, под руководством И.Г. Глушкова было построено несколько жилищ, в том числе и такое же, как на поселении самусьской культуры Крохалева; проведены многочисленные эксперименты с керамикой. Он редактор небольшой серии сборников "Экспериментальная археология". Подборка статей в этих сборниках позволяет понять процесс литья кельтов, работу ими, технологию обработки рыбы, сооружения жилищ, изменения местоположения блях-украшений при разложении мягких тканей умерших, схему работы орудиями эпохи верхнего палеолита, деревянными лопатами и т. д.

А.П. Бородавский по описаниям Павсания изготовил панцирь из лошадиных копыт, проверил технологию его изготовления, установил высокие защитные качества изделия. Этот же исследователь успешно занимается изучением костерезного производства, в том числе и экспериментально.

Занятие экспериментальной археологией помогает изучить процесс разрушения объекта в процессе археологизации, а также выяснить особенности их функционирования в древности. В этом разделе следует упомянуть трассологический метод, являющийся вариантом эксперимента. Исследователи изучают следы срабатанности на древних орудиях и по их характеру определяют, что этими орудиями делали и на каком материале. Иногда ученым приходится делать реплики древних орудий, работать ими по разному материалу (например, экспериментальными ножами обрабатывать дерево, кость, резать мясо, кожу и т. д.). Затем, сравнивая следы на древних и современных орудиях труда, можно установить, что делали древним орудием. В настоящее время существуют эталонные орудия, и следы на них служат образцом

для ученых. Развитие этого метода связано с работами С.А. Семенова, получившими мировое признание. В нашей стране этот метод успешно развивали М.П. Грязнов и Г.В. Коробкова.

В настоящее время ученые многих стран, в том числе и отечественные, успешно развивают экспериментальное направление, о чем свидетельствуют сайты в Internet. Однако есть некоторые ограничения для этого метода: нельзя требовать от экспериментатора абсолютной доказательности, результаты эксперимента не всегда можно соотнести со временем и пространством, для большей достоверности нужна серия опытов и использование материалов и методик, соответствующих древним.

5. МЕТОДЫ ЭТНОАРХЕОЛОГИИ

Этноархеология ("новая" археология) широко распространилась на стыке археологии и этнографии в 1960–1970 гг. среди англоязычных исследователей, когда исследователи стали отказываться от упрощенного понимания процедуры реконструкции древних обществ. Долгое время для иллюстрации материальной культуры древних обществ применяли археологические материалы, а для явлений социальной и духовной культуры – этнографические сведения.

Но этнографические материалы несут неоднозначную информацию; пока для реконструкций привлекали относительно мало данных этнографии, то они вписывались в создаваемые концепции. Картина человеческого развития оказалась намного сложнее, и если на ранних этапах развития науки о прошлом человечества достаточно было указать на параллель или найти ее, то в наши дни этого недостаточно. Необходимо, кроме указания группы населения, объяснить и причины ее выбора.

Отправной точкой исследования становится этнографический материал, отражающий устойчивые связи между явлениями, а не устойчивое сходство фактов и явлений. Стремление реконструировать факты, следующие из археологических материалов, было дополнено выводом о некорректности некритического переноса этнографических данных на археологические материалы, но для этого необходимо было знать взаимосвязи между материальными остатками человеческой деятельности и другими аспектами культуры.

В наши дни в мире существуют десятки этноархеологических коллективов в разных странах мира. Главный метод их работы – этнографические наблюдения на действующем поселении, детальное изучение материальной культуры, сбор информации о количестве функ-

ционирующих вещей и т. д. Затем, после оставления поселка бродячей группой, ученые проводят его раскопки и выясняют, сколько предметов из зафиксированных осталось, по данным раскопок реконструируют картину жизнедеятельности поселка. Ученые проверяют свои выводы, опрашивая информаторов и сопоставляя данные раскопок с этнографическими материалами.

В результате появляется возможность проследить взаимосвязь между материальной культурой, ее остатками и живой действительностью. Далее следует конструирование моделей материальной культуры первобытного общества. Основными направлениями исследования этноархеологии являются материальная культура и характер ее распространения, особенности материального производства, процесс "умирания" культуры.

Так решают задачу совершенствования процедуры исторических реконструкций, изучают процесс "умирания" культуры, характер ее распространения. Объектом исследования этноархеолога могут быть не только поселения, но и брошенные городские кварталы, современные свалки и т. д.

Впервые методику применил Дж. Фьюкс почти девяносто лет назад, проверяя устную традицию индейцев-пуэбло методами археологии. Затем почти через 50 лет произошел взлет этноархеологии.

В конце 1960-х гг. Л. Бинфорд вновь обратился к ней. Он изучал палеолитические орудия, происходившие из области Дордонь. Было много объяснений по поводу разницы в облике орудий и костяных остатков. Ф. Борд считал, что эти орудия принадлежали различным группам населения. Л. Бинфорд предполагал, что люди занимались разными видами деятельности. Для проверки предположения он с 1969 г. по 1973 г. изучал эскимосов на Аляске. Он выяснил, что группа численностью до 40 человек перемещалась на громадные расстояния. Он наблюдал за местами разделки туш животных, местами стоянок, ямами – хранилищами пищи и т. д. Л. Бинфорд показал, что остатки на стоянках отражают разные виды деятельности, но их не всегда можно распознать.

У Л. Бинфорда появилось множество последователей. Ученые пытались преодолеть неоднозначность этнографического и археологического материала и стали искать аналоги, отражающие не столько устойчивые сходства фактов и явлений, сколько устойчивые связи между явлениями. Этому способствовало понимание ошибочности некритического переноса этнографических фактов на археологическую действительность.

В настоящее время этноархеология – мощное направление изучения взаимосвязей между материальными остатками человеческой деятельности и другими аспектами культуры. Отправной точкой исследователя становится этнографический материал, отражающий устойчивые связи между явлениями, а не устойчивое сходство фактов и явлений.

В сети Internet имеется несколько десятков тысяч сайтов, имеющих отношение к этноархеологии, созданные иностранными учеными. В нашей стране данное направление развито гораздо слабее, а ученых, занимающихся им, – единицы. Среди них В. И. Молодин, руководивший работами на Укоке. Он считает, что это плоскогорье перспективно для исследований при изучении этногенеза и этнической истории восточных казахов и алтайцев, при исследовании их традиционной хозяйственной деятельности, осмыслении иррациональных представлений обитателей плато Укок.

К сюжетам этноархеологии обращались многие отечественные исследователи, но специальных исследований по этой теме не так уж много. Можно назвать работы А. В. Кенига, названных выше М. А. Корусенко, С. Ф. Татаурова, Л. В. Татауровой и некоторых других ученых.

А. В. Кениг изучал материалы тазовских селькупов, Л. В. Татаурова – керамическое производство, М. А. Корусенко – погребальный обряд сибирских татар и т. д. Несмотря на разные источники и конкретные методики, эти ученые обращались к информаторам и коррелировали результаты своих работ с их сведениями, что близко к североамериканской и европейской этноархеологии. Небольшие обзоры В. А. Шнирельмана позволяют нам избежать ее изложения.

Отечественные исследователи понимают этноархеологию расширительно, включая в нее и этногенетические исследования, и изучение поздних памятников, и метод аналогий, и т. д. К сожалению, это направление в нашей стране широко еще не развито. Отдельные коллективы и исследователи, занимающиеся этноархеологией, имеются в Ижевске, Кемерово, Москве, Новосибирске, Омске, Санкт-Петербурге, Сургуте, Томске, Улан-Удэ, Якутске и некоторых других городах России.

В 1990-е гг. этноархеологическое направление в российской науке стало все больше стремиться к выделению в качестве самостоятельной науки, к новым научным поискам, к расширению своей проблематики и к разработке новых методов исследования, в том числе конструирования и изучения социокультурных этнографо-археологических комплексов и т. д.

Ученые, археологи, этнографы и этноархеологи Омска, прислушавшиеся к этноархеологическим работам, считают, что вести речь об

этноархеологии следует все же не только как о методике реконструкции древних культур и обществ, а как об особом научном направлении, о чем шла речь в первой главе данного учебного пособия

6. МЕТОДИКА ИЗУЧЕНИЯ ЭТНОГРАФО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ

В 1981 г в докладе на V Западно-Сибирском археолого-этнографическом совещании В.Б. Богомолов и Н.А. Томилов ввели понятие "Этнографо-археологический комплекс" (ЭАК), основу которого "составляют этнически определенные археологические материалы поздних памятников, обогащенные этнографической информацией"

Авторы доклада предложили следующий алгоритм исследования.

- работа с этнографическим материалом и выяснение ранних культурных пластов, чем достигается максимальное приближение к датировке наиболее поздних археологических памятников,
- идентификация археологических и этнографических предметов,
- анализ археологических сведений, косвенно указывающих на возможное распространение несохранившихся видов изделий

Подобную работу авторы доклада считали возможным проводить до исчезновения основного состава признаков данного комплекса. Применение этой методики могло бы ускорить решение задачи идентификации археологических материалов с культурами конкретных этнических общностей.

Практические шаги по конструированию ЭАК предприняли В.Б. Богомолов и В.И. Соболев. Рассмотрев средневековую керамику городищ, поселений и могильников Барабы, они выделили четыре комплекса керамики, отличающиеся формой и орнаментом, и три типа орнаментов. Дальнейший анализ позволил им описать компоненты, составляющие орнамент барабинских татар.

- геометрические и растительные узоры на тканях, металле и на архитектурных элементах жилищ, которые появились в XIX – начале XX вв. и были связаны с влиянием поволжских татар и русских,
- архаичский комплекс хаотичных ямочных и треугольных вдавлений на посуде из бересты и глины,
- тюркские геометрические орнаменты (шивная мозаика, аппликация на тканях, войлоке, безворсовые ковры)

На совещании был поднят вопрос о необходимости ликвидации разрыва между археологией и этнографией в изучении социально-экономического развития, хозяйственно-культурных типов, хода исторических событий и проблем этногенеза.

Ученые отмечали, что при данном подходе выявляются некоторые преграды

- разная историческая стадиальность комплексов,
- фрагментарность археологических источников,
- наличие неизученных периодов в археологии и неравномерность знаний по некоторым темам в этнографии,
- отсутствие сплошного обследования территории

Было высказано и мнение о необходимости создания специальных групп археологов и этнографов, сожаление о том, что необходимости комплексных исследований противоречит организация труда ученых-одиночек

В вышедшей в свет в 1987 г монографии Н А Томилова "Проблемы реконструкции этнической истории населения юга Западной Сибири" вновь поднимается проблема изучения ЭАК В ней отмечено, что при определении этнической принадлежности археологических памятников и рассмотрении этногенеза в исследовании нужно включить максимальное количество явлений культуры Комплексное исследование поможет выделить специфичные этнодифференцирующие или приобретенные показатели В книге приведены примеры удачного решения некоторых аспектов ЭАК, выполненных В П Дьяконовой, В Б Богомоловым, В И Соболевым и др Далее автор монографии переходит к теории и методике изучения ЭАК, расширив тезисы доклада на V Западно-Сибирском археолого-этнографическом совещании Структура и основные положения доклада в части актуальности и определения ЭАК, методологии и методики его исследования, сохранились, но были насыщены примерами Была высказана мысль о необходимости использования письменных источников Дано более пространное определение ЭАК и его структуры, показана необходимость их типологии Намечены территориальные и хронологические рамки исследования ЭАК (XIX в – 1,5–2 тысячи лет), показаны фрагментарность ЭАК и его соотношение по объему с археологической культурой, увеличение информативности материала и трудности при конструировании ЭАК сибирских народов

В 1990 г В Б Богомолов и Н А Томилов рассмотрели вопрос взаимосвязи художественного стиля и археолого-этнографических исследованиях Отмечая, что орнамент – концентрированное выражение художественного стиля, они считают возможным выяснить, когда можно говорить об этнических или историко-этнографических общностях

В наиболее обобщенном виде концепция изучения ЭАК изложена Н А Томиловым в монографии "Проблемы этнической истории (по материалам Западной Сибири)", вышедшей в свет в 1993 г , а позднее – в ряде статей, в том числе и в соавторстве с С С Тихоновым

Выделим основные характеристики концепции ЭАК, разрабатываемые Н.А. Томиловым и его омскими коллегами.

Определение. ЭАК – многокомпонентный социокультурный комплекс, выделенный по данным археологии и этнографии. Фактически это реконструированный или даже сконструированный с помощью данных этнографии археологический социокультурный комплекс. Его основу составляют этнически определяемые археологические материалы поздних памятников, обогащенные этнографической информацией.

Области применения. Применение методики конструирования ЭАК возможно для этнической интерпретации археологических материалов при изучении процессов культурогенеза, социогенеза и этногенеза.

Необходимость применения. В области исторической информации, в т. ч. и изучении истории этнических образований, наблюдается относительно малый выход совокупных археологических и этнографических данных. Поэтому нужно ликвидировать разрыв между археологией и этнографией, что возможно вследствие одного предмета изучения – культуры в ее широком понимании – и общего круга вопросов (социально-экономического развития, хозяйственно-контурных типов, материальной, соционормативной и духовной культуры, хода исторических событий, этногенетических процессов и т. д.).

Методика работ заключается в выявлении ранних культурных явлений этнографических комплексов и доведении их до археологических материалов. Одновременно идет систематизация археологического материала. Затем следует этап идентификации археологических и этнографических предметов. Становится возможным анализ археологических сведений, косвенно указывающих на распространение явлений и предметов.

Глубина исследований определяется от XIX в. и вглубь на 1,5–2 тысячи лет, т. е. почти до рубежа эр.

Территориальные рамки широки и ограничены только распространением явления (комплекса).

Изучение процессов этногенеза с помощью конструирования существенно затрудняют отсутствие сплошь обследованных территорий, слабая изученность поздних (т. е. XVII–XVIII вв.) археологических памятников, неравномерность этнографических знаний.

Слабым местом для работ 1980-х – начала 1990-х гг. явилось отсутствие полевых работ специализированной группы.

В конце 1988 г. на конференции, посвященной 110-летию Омского государственного объединенного исторического и литературного музея, была прочитана серия докладов по археологии позднего средневековья – нового времени, в том числе и по методике. Вновь

прозвучал термин "этнографо-археологический комплекс", на сей раз в докладе омских ученых В.В. Дрягина и Б.В. Мельникова

Авторы доклада попытались показать, что археологические источники могут быть основными при изучении истории Западной Сибири XVII–XX вв. при отсутствии письменных или при изучении всего круга археологических источников. Исследователи исходили из того, что ситуации, когда отсутствует часть письменных источников, археологические и этнографические работы проведены не в полном объеме, число информаторов мало, а этнический облик населения размывается, встречаются довольно часто. Выход из этого положения – создание ЭАК.

В отличие от Н.А. Томилова, считавшего возможным его создание на широком круге археологических, этнографических, лингвистических и антропологических источников, в основу исследования они предложили положить малую этнотерриториальную единицу (население), рассматриваемую как систему социальных, экономических и экологических факторов. В.В. Дрягин и Б.В. Мельников предложили серию критериев для определения ЭАК – территориальный, экономический, этноисторический, источниковедческий. Для полевых работ они выбрали д. Черталы Муромцевского района Омской области, где и провели полевые археологические и этнографические работы.

На этой же конференции была продемонстрирована возможность изучения истории локальных групп на основе исторических преданий, топонимики и языковых данных, была предложена гипотеза об этнической принадлежности и формировании населения Черталинских юрт.

Через несколько месяцев (весной 1989 г.) после обработки полевых материалов 1988 г. группа ученых – В.В. Дрягин, Б.В. Мельников, В.Б. Яшин – вновь вернулась к теме ЭАК, правда, под другим названием – археолого-этнографический комплекс. Они несколько расширили и дополнили свой первый доклад и рассказали о результатах полевых работ. Последний совместный доклад эта исследовательская группа сделала на VIII Западно-Сибирском археолого-этнографическом совещании в 1990 г. в Томске. Это был переработанный доклад по высугуплениям 1988 и 1989 г., дополненный полевыми наблюдениями.

На этом деятельность группы закончилась. Правда, в 1996 г. Б.В. Мельников обобщил их прежние работы, подготовив статью на основе трех докладов и дополнив ее своими наблюдениями.

Основные положения концепции этой группы ученых следующие.

Определение. ЭАК – это относительно обособленная территория с преобладанием внутриэкономических связей, автономности и этнической однородности этносоциального образования и наличием базового памятника.

Области применения. Получение достаточно адекватной исторической (не археологической, этнографической, лингвистической и т. д.) картины на основе наибольшего количества малых групп XVI–XVII вв. во всем многообразии их культуры.

Необходимость применения. При изучении этнической истории нет надежных критериев для этнодифференциации и конструктивных методов для получения исторической информации. Метод широких сопоставлений себя исчерпал и не дает возможности точной стыковки данных археологии и этнографии.

Методика работ включает выбор базового памятника, структурирование населения на этнические, племенные и родовые группы, сбор этногенетических и этноисторических преданий по анализируемым группам, выявление возможных объектов, о которых сохранились предания, археологические работы и комплексное привлечение источников.

Глубина исследования связана с временем существования системы с определенным этническим самосознанием.

Территориальные рамки – граница территории малого образования.

К сожалению, тезисность работ не позволила авторам концепции дать более развернутое определение, и поэтому нам пришлось их компилировать по уже указанным работам В.В. Дрягина, Б.В. Мельникова, В.Б. Яшина. Предварительное сравнение точек зрения двух разных коллективов приведено в специальной работе С.Ф. Тагаурова и С.С. Тихонова (Археологические источники для этнографо-археологических исследований в низовьях р. Тары // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. – Т. 1. – Новосибирск, 1996).

Кажется, что наиболее существенный сдвиг в расширении и углублении интеграции археологических и этнографических исследований стал происходить в Сибири в 1990-х гг. В том числе в Западной Сибири это было связано с тем, что именно к 1990-м гг. накопили значительный научный потенциал сначала томский, а затем омский коллективы археологов и этнографов.

СПИСОК РЕКОМЕНДУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Артамонов М И* К вопросу об этногенезе в советской археологии // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. – 1949 – Вып 29 – С 3–46
- Арутюнов С А* Народы и культуры развитие и взаимодействие. – М, 1989 – С 41–50
- Арутюнов С А, Хазанов А М* Проблема археологических критериев этнической специфики // Советская этнография – 1979 – № 6 С 79–89
- Binford L R* *Nunamut Ethnoarchaeology* – N Y, 1978
- Бобров В В* Социальные реконструкции в археологии – этноархеология и этнография (проблема интеграции) // Интеграция археологических и этнографических исследований – Омск, Уфа, 1997 – С 20–22
- Богомотов В Б, Головнев А В, Томидов Н А* и др Вопросы и программы по этноархеологии и этнографии для участников археологических и этнографических экспедиций и студенческих практик – Омск, 2002
- Вайнберг Б И* Этноархеология Турана VII в до н э – VIII в н э – М, 1999
- Вайнштейн С И* Очерк этногенеза тувинцев // Ученые записки Тувинского научно-исследовательского института языка литературы и истории – Кызыл, 1957 – Вып 15 – С 178–214
- Глушков И Г* Керамика как археологический источник – Новосибирск, 1966
- Головнев А В* Этнографическое предпочтение в археологии замечания к концепции В Н Чернецова // Интеграция археологических и этнографических исследований – Новосибирск, Омск, 1996 – Ч I – С 89–93
- Горелик А Ф* (Рец) *Ethnoarchaeological Approaches to Mobile Campsites Hunter-Carherer and Pastoralist Case Studies* / Ed Wamble C Boismier W Anu Arbor, Michigan, 1991 420 p 130 fig // Российская археология 1995 – № 1 – С 238–242
- Gould R A* *Livng Archaeology* – Cambridge, 1980
- Дьяконова В П* Погребальный обряд тувинцев как историко-этнографический источник – Л Наука, 1975 – 164 с
- Ethnoarchaeology Ymplications of Ethnography for Archaeology* / Kramer C – N Y, 1979

Жук А В Источники этнографо-археологического комплекса (взгляд археолога) // Интеграция археологических и этнографических исследований – Омск, СПб, 1998 – Ч I – С 71–75

Илюшин А М Современное состояние метода типолого-хронологического исследования в этноархеологии Сибири // Интеграция археологических и этнографических исследований – Омск, Уфа, 1997 – С 55–58

Интеграция археологических и этнографических исследований – Омск, 1995 – Ч I, 1996 – Ч I, Ч II, Омск, Уфа, 1997, Омск, СПб, 1998 – Ч I, Ч II, М, Омск, 1999, Владивосток, Омск, 2000, Нальчик, Омск, 2001, Омск, Ханты-Мансийск, 2002, Омск, 2003

Итина М А Реконструкция некоторых первобытных обрядов методом аналогий // Этнография и археология Средней Азии – М, 1979 – С 15–19

Yellen J E Archaeological Approaches to the Present Models for Reconstructing the Past – N Y, 1977

Кениг А В Из истории становления англо-американской этноархеологии // Интеграция археологических и этнографических исследований – Омск, Уфа, 1997 – С 64–69

Кениг А В За создание отечественной этноархеологии // Методика комплексных исследований культур и народов Западной Сибири – Томск, 1995 – С 81–84

Кирюшин Ю Ф, Малолетко А М Этноархеология Васюганья // Интеграция археологических и этнографических исследований – Новосибирск, Омск, 1996 – Ч II – С 7–13

Клейн Л С Археология и этнография проблема сопоставлений // Интеграция археологических и этнографических исследований – Омск, СПб, 1998 – Ч I – С 97–120

Клейн Л С Стратегия синтеза в исследованиях по этногенезу (интеграция наук и синтез источников в решении проблем этногенеза) // Советская этнография – 1988 – № 4 – С 13–23

Корусенко М А Погребальный обряд тюркского населения низовьев р Тара в XVII–XX вв Опыт анализа структуры и содержания – Новосибирск, 2003

Корчагин П А, Мельничук А Ф Этноархеология или археология нового времени? // Интеграция археологических и этнографических исследований – Омск, Уфа, 1997 – С 77–79

Косарев М Ф К вопросу о методике археолого-этнографических сопоставлений // Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири – Томск, 1981 – С 119–123

Лукина Н В , Плетнева Л М , Кулемзин В М Очерки культурогенеза народов Западной Сибири – опыт междисциплинарного исследования // Методика комплексных исследований культур и народов Западной Сибири. – Томск, 1995. – С 99–105.

Марков Г Е Проблема сравнительной археологической и этнографической типологии культуры // Проблемы типологии в этнографии. – М., 1979. – С 147–158.

Материалы Всероссийского семинара "Интеграция археологических и этнографических исследований" // Археологические микро-районы Западной Сибири. – Омск, 1994. – Ч. 2. – С 101–149

Матющенко В И Археологический микрорайон и этнографо-археологический комплекс // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Новосибирск; Омск, 1996 – Ч. I – С 23–25.

Мельникова О М Заметки о содержании этноархеологии // Интеграция археологических и этнографических исследований – Омск; СПб., 1998. – Ч. II. – С. 15–17

Молодин В И О возможностях этноархеологических исследований на плоскогорье Укок (Южный Алтай) // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Новосибирск, Омск, 1996. – Ч. II. – С. 3–6

Молодин В И Ретроспективный метод и опыт его применения (К вопросу о возможности эгнической интерпретации археологических источников) // Методологические и философские проблемы истории. – Новосибирск, 1983. – С. 275–286

Окладников А П Образ птицы в искусстве бронзового века Забайкалья и его аналогии в народном искусстве бурят // Советская этнография – 1954 – № 1 – С. 150–153.

Puebla B , Ballbe E Ethnoarchaeology of the Habitational Units: Towards a Definition of its Object // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Омск; СПб., 1998. – Ч. II. – С 43–45.

Решетов А М Проблема интеграции этнографических и археологических исследований в свете истории науки // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Новосибирск; Омск, 1996. – Ч I. – С 85–89.

Савинов Д Г Археолого-этнографический комплекс Торгажак (эпоха поздней бронзы) // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Омск; СПб., 1998. – Ч. II. – С 54–57

Тихонов С С О возможности ретроспекции данных этнографии и археологии // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Омск, СПб., 1998. – Ч. II. – С. 105–106.

Тихонов С.С., Томилов Н.А. Этнографо-археологические комплексы: Проблемы конструирования и изучения (по материалам культуры татар и русских Тарского Прииртышья XVI–XX вв.) // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. – Новосибирск, 1997. – Т. 2 – С. 10–19.

Томилов Н.А. Проблема этнографо-археологических комплексов в исследованиях омских этноархеологов // Этнографическое обозрение. – 1998. – № 1. – С. 3–14.

Томилов Н.А. Этноархеология как научное направление // Этнографическое обозрение. – 1999. – № 6. – С. 75–84.

Шнирельман В.А. Археологическая культура и социальная реальность (проблема интерпретации керамических ареалов). – Екатеринбург, 1993.

Шнирельман В.А. Этноархеология // Этнография и смежные дисциплины, этнографические субдисциплины. Школы и направления. Методы. – М., 1988. – С. 95.

Шнирельман В.А. Этноархеология – 70-е годы // Советская этнография. – 1984. – № 2. – С. 100–113.

Экспериментальная археология. – Тобольск, 1991; 1992. – Вып. 2; 1994. – Вып. 3.

Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. – Новосибирск, 1996. – Т. 1; 1997. – Т. 2; 1998. – Т. 3; 1999. – Т. 4; 2002. – Т. 5; 2003. – Т. 6; Т. 7.

Содержание

Введение	3
1. Этноархеология и потребность в этноархеологических знаниях	5
2. Цель, задачи и содержание курса "Введение в этноархеологию"	8
Глава 1. Этноархеология как научное направление	
1. Понятие этноархеологии	10
2. О формировании отечественной этноархеологии	14
3. Объект, предмет и проблемы этноархеологии	17
Глава 2. Очерк истории этноархеологического направления	
1. Периодизация этноархеологического направления	21
2. Первый период – период прямых сопоставлений археологических и этнографических материалов (конец XVII в. – конец 20-х гг. XIX в.)	26
3. Второй период – период комплексного подхода в археолого-этнографических исследованиях (30-е гг. XIX в. – 20-е гг. XX в.)	30
4. Третий период – период интеграции археолого-этнографических исследований и становления этноархеологического направления (30-е гг. XX в. – начало XXI в.)	34
Глава 3. Методика этноархеологических исследований	
1. Истоки формирования археолого-этнографических исследований и их методов	39
2. Археолого-этнографические параллели	47
3. Исследование универсалий	51
4. Экспериментальная археология	55
5. Методы этноархеологии	59
6. Методика изучения этнографо-археологических комплексов	62
Список рекомендуемой литературы	67

А.В. ЖУК, С.С. ТИХОНОВ, Н.А. ТОМИЛОВ

**ВВЕДЕНИЕ
В ЭТНОАРХЕОЛОГИЮ**

*Учебное пособие для студентов исторических факультетов
высших учебных заведений*

Редактор Л.В. Новоселова
Технический редактор В.В. Коваленко

Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 3,97.
Тираж **300** экз.

Формат 60×84/16.
Печать офсетная.
Уч.-изд. л. 3,70.
Заказ Дг.29-03-311.

Отпечатано в типографии ООО "Издательский дом «Наука»",
ул. Герцена, 158, тел. 24-58-84.